

Виталий Сертаков
Роман о будущем, у которого нет прошлого.

**Красная
волчица**

**Чёрный
хамелеон**

Виталий Сертаков

**Красная волчица.
Черный Хамелеон.**

«Автор»

2026

Сертаков В.

Красная волчица. Черный Хамелеон. / В. Сертаков — «Автор»,
2026

Что реально, если твою память можно переписать? А если можно прожить жизнь заново, но для этого придётся умереть? «Красная волчица, чёрный хамелеон» — это «Матрица» по-русски, киберпанк о грани между живым сознанием и твоей цифровой копией, между тотальной свободой в псевдореальности и человеческими чувствами. Это фантастический триллер о любви, которая существует только в одной из версий реальности. Или во всех сразу. И о том, что «я всегда за тебя» труднее выполнить, чем сказать. Книга для тех, кто любит Стивена Кинга и не любит, когда всё объяснено в первой главе. Читайте, пока вас не отключили.

© Сертаков В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Виталий Сертаков

Красная волчица. Черный Хамелеон.

Глава

КРАСНАЯ ВОЛЧИЦА, ЧЕРНЫЙ ХАМЕЛЕОН

Бог говорит: «Кого бы ты ни полюбил сильнее меня, того я заберу у тебя...». И еще: «Не говори: не проживу без него – я сделаю так, что проживешь. Сменится время года, ветки деревьев, некогда дававшие тень, высохнут, терпение иссякнет, та любовь, что ты считал искренней, покинет тебя, ты будешь в замешательстве. Твой друг обернется врагом, а враг вдруг станет другом - вот таков этот странный мир. Всё, что ты считал невозможным, осуществится... » «Не упаду» , - скажешь и упадёшь, «не ошибусь» - и ошибешься. И самое странное в этом мире – «Это конец» - скажешь, и всё равно будешь жить.

Джсалаалдин Руми

1.Виктор. «Порше 911»

Тест 17. Базовое время 19:02:14. Код допуска: не определен. Терминал: не опознан. Режим отсечки: принудительный.

Виктор застыл на пороге спальни. Вместо жены, на скомканных простынях, спала незнакомая обнаженная женщина. Впрочем, нет. Густов ее узнал. Узнал татуировку на ее лопатке, хотя последний раз целовал ее лет восемь назад. В его спальне этой женщине делать было совершенно нечего. Тем более в такую рань.

- Мальчик мой...ты что, ты где там? - сонно пробормотала она, приподнялась на локте и щелкнула кнопкой торшера.

Густов отшатнулся. Квартира была его. Точнее, планировка в точности как у него, но в спальне появилось много нового. Включая голую брюнетку в его постели. Возникли зеркала до потолка. И светящиеся вазы. И круглая кровать точно не его. И такой кричащей фиолетовой расцветки Милка бы в жизни не потерпела.

Женщина гибким движением выскользнула из простыни, и пошла на него. В ее взгляде сон боролся с искренним беспокойством:

- Витюша, что с тобой? Нехорошо? Тебе плохо?

Его мокрая спина вжалась в косяк двери. Виктор понял, что тоже голый, хотя пять минут назад спал в пижаме. Краем глаза он заметил край холла, и лестницу на второй этаж...Не только спальня, всяквартира, похоже, сильно изменилась. И Женька Царенко тоже. Прическа, загар, чуть более полные бедра. Она могла бы стать такой спустя восемь лет.

Если это вообще она.

Женщина протянула руку, и Густов закричал. Он не рассчитал сил; от толчка женщина отлетела обратно, упала мимо кровати, на ковер, захныкала, а затем принялась поливать его солдатским матом. Рывками натягивая на себя одежду, Виктор даже капельку успокоился - это была она, несомненно она, его царица-Царенко, чуть постаревшая, укоротившая гриву, уже без того боевого макияжа, и кажется, она что-то сделала себе с губами? Но, какого черта?!

- Где Мила? - рявкнул он, - Что за розыгрыш? Вы меня усыпили?

Джинсы, футболка, бадлон, авторский пиджак, туфли. Все мягкое, как он любит, все в пору, но – как будто не его. Густов обшарил карманы. Портмоне, сотовая гарнитура - последняя модель, встроенная в очки - на зарядном экране, ключи, пачка пластиковых карт, некогда разбираться...

- Витя, ты, ты меня ударил? - не делая попыток подняться, или хотя бы прикрыться, она сидела на ковре, растирая плечо, - Какая еще Мила?

- Моя Мила, моя жена! - на ходу активируя очки, он выскочил в холл, дал команду "свет". Дом подчинился, лампы вспыхнули разом. Густов вихрем пронесся на второй этаж, и едва сдержал стон. Он готовился увидеть что угодно, от съемочной группы телевидения, до толпы хохочущих друзей, но квартира была пуста. Чудовищный итальянский гарнитур в гостиной, детская переделана в кабинет. Очевидно, это его кабинет, именно так, как он хотел, но Мила же настояла отдать ребенку...

- Кого ты ищешь? Мелкий в школе. Соня у бабушки, на даче, - Женечка, уже в халате, но босиком, стояла, обняв себя руками, за порогом кабинета. Она его явно побаивалась.

- Соня. У бабушки. На даче, - тупо повторил Густов, разглядывая игрушки дочери. Которая могла оказаться вовсе не его дочерью.

В холл выходила еще одна дверь. Увешанная, или обклеенная разноцветными магнитными буквами.

«Роберт». «Взрослым вход запрещен».

Кто такой Роберт? У меня двое детей? Густов закрыл за собой первую дверь и прочел «София». Здесь, вместо магнитов, красовался плакат с какой-то корейской рок-группой.

Роберт и София. И что с этим делать?

В ухе звякнуло. Выше уровня глаз, слегка затемнив обзор, появилась строка входящих. Неизвестный абонент оказывается, прорывался четырежды.

"Густов, беги немедленно. Твой красный „Порше“ на трамплине, готовься к дрифту"

"*Красный „Порше“ на трамплине, готовься к дрифту*". Эту фразу никто не смог бы просто так придумать. Это *его* фраза, фраза только из его детства. Дьявол, что происходит? Или это такой сон, и никак не проснуться? Виктор сделал шаг в сторону прихожей.

- Витя! Я тебя умоляю, давай поговорим, куда ты? - она выглядела вполне искренней, и ужасно несчастной. Густов вдруг вспомнил вкус ее губ. Женька. Женечка. Его царица. Восемь лет назад. Или десять? Они могли бы...если бы не...

Если бы не что? Провал.

Треньк за ухом. Два входящих голосовых.

"Витек, это я, Паша Злобин. Я к тебе спускаюсь, дружище!"

"Виктор Сергеевич, через двенадцать минут за вами пришем вертолет. Поднимайтесь пожалуйста".

Вертолет? Зачем ему вертолет? Секунду он колебался, стоя в чреве лифта. Красивая брюнетка в распахнутом халате, с гарнитурой в руке. Его жена? И тут на правом наушнике ее очков Густов разглядел странный, чем-то знакомый знак.словно вставший за задние лапки, мультяшный хамелеон.

- Что *это*? - он ткнул пальцем, - Отвечай мне! Это не просто очки, это спецсвязь. С кем ты говорила?

- С твоим замом, Вадимом Бородаем, - она растерла на щеке слезу, - Он сказал, что сейчас приедет, и все тебе объяснит, он...

"Густов, беги. Тебе вынут мозг. Я помогу. Ты все вспомнишь. Беги, они уже близко"

Виктор выдавил улыбку и скомандовал лифту "Паркинг".

Красный „Порше“ с транзитным номером, и с открытой дверцей стоял у выезда, прижавшись сбоку за шлагбаумом. Красный „Порше“ на трамплине. Та самая модель, которую школьник Витя Густов в детстве разгонял ладошкой по наклонной доске, упертой в стопку книг. Красный «911-й» конца семидесятых. Спустя полсотни лет выглядит как новый. Или...он и есть новый? Ожидая воя сирены, Густов скользнул за руль. Сиденье тут же выгнулось, обтекая спину. На приборной доске засветились два датчика заряда - два полных аккумулятора, на

шестьсот километров каждый. Машина его узнала. Красный «911-й», которого у него никогда не было. Или был?

Треньк. "Густова Евгения. Виктор, я тебя умоляю - вернись. Я все смогу объяснить"
Густова?! Густова, мать ее... А где же Густова Людмила?!

Треньк. Значок полиции. «Виктор Сергеевич, оставайтесь на месте. Это полиция. Обнаружена попытка взлома сети «Нейротранс» с вашего аккаунта..."

Треньк. "Злобин. Витя, я уже еду вниз, погоди меня, это очень важно, Паша".

Треньк. "Аноним. Виктор, в бардачке. Эту гарнитуру выброси, и скорее уезжай. Я жду тебя. Там, где *всегда тихо*"

«Всегда тихо».

Густов выкинул очки на бетонный пол гаража. В бардачке он обнаружил еще одну гарнитуру, заряженную, без пароля, но вместо символов мировых телефонных брендов - тот же самый, неуловимо знакомый значок, будто черный хамелеончик в трех проекциях. Едва он активировал гаджет, как позади, в глубине паркинга, загремели шаги. Павел Злобин, сосед? Почему я его не помню? И с ним еще двое, видимо охрана. Но какого дьявола они с оружием? - Густов, стоять!

Первая пуля разбила поворотник, вторая разнесла в хлам зеркальце заднего вида. Заморгал маячок на стене гаража, шлагбаум впереди начал опускаться. Но Густов успел командовать "Спорт-старт". Истошно визгнув покрывками, зажав испуганного водителя ремнями, „Порше“ рванул вверх по бетонному коридору. Кажется, долю секунды Густов видел в конце улицы полицейский джип, с иллюминацией, и вылетающих из него, парней в броне. Перед пассажирским креслом повисла проекция маршрута. Стало ясно, что неведомый доброжелатель ведет его куда-то за пределы кольца. «911-й» выпрыгнул на проезжую часть, чудом не оторвав дверцы, проскочил в ворота, и, игнорируя светофоры, рванул со скоростью сто сорок по встречке.

Треньк. "Аноним. Не бойся, память восстановится, когда ты введешь ключ, и активируется режим отсечки. Постарайся успокоиться"

Ключ? Какая еще, к дьяволу, отсечка?! Он сидел, до боли вцепившись руками в подлокотники, и упираясь ногами, пока машина, не снижая темпа, лавируя между словно бы застывшими фурами, прорывалась к кольцевой. О нет, он не успокоился. Он совсем не успокоился! Но, кажется, он начал догадываться, куда его везут. Туда, где *всегда тихо*. Ему очень не хотелось туда ехать.

Но оно того стоило.

2.Нуйкан. Танец желтого муравья.

Впервые я станцевала с мертвецом танец желтого муравья, едва мне исполнилось тринадцать урожаев.

Моя мать, волчица из стаи неспящих, родила меня нечетной ночью в месяц черепах. После родов, как принято у женщин Тигровой реки, мать вложила мне в рот хлебный мякиш с костным мозгом, и оставила меня в корзине на дереве, а сама отправилась на охоту. Охота оказалась удачной для меня; я не погибла от голода, ведь на второй день матерям-волчицам удалось загнать в силки болотного духа. Другим добрым знаком в моей судьбе стало предначертанное жрицами искусство обращения. Из разложенных вокруг меня предметов, я, едва умея ползать, потянулась к ночному цветку лоах, к самому ядовитому и яркому растению поймы, столь любимому муравьями.

Первая волна обращения настигла меня еще до возраста женской силы. Отец приплыл в лодке на остров наставниц, где вместе с другими девочками я училась говорить с грозой. Отец сказал, что матери призвали меня в логово, что для меня есть мертвец, а поплывем мы с мясным караваном. Боялась ли я? Стояла жара, но меня трясло.

За лодками мы на веревках тащили плоты с привязанными животными. Ведь если мы хотим, чтоб волки берегли границы, их надо сытно кормить. Потом мы причалили, и до вечера взбирались вверх по узкой тропе. Здесь повсюду дрожала, капала и лилась вода, в воздухе висел острый запах перегноя и тысяч распустившихся цветов. Потревоженные грибы отрывались от корней, взлетали и взрывались, обдавая нас розовой пудрой своих семян. Отец освещал путь факелом, и выжигал паутину. Двое мужчин рубили ветви и укладывали их впереди. Плачущий лес растет с такой силой, что тропу всякий раз приходится прорубать заново. Впервые я наблюдала, как шевелятся корни деревьев-прыгунов, как хохочут в кронах своры хвостатых, как разгораются голубым холодным светом молодые еще, хищные цветки лоах. Отец показал мне скользкие дорожки жуков-трупоедов и улы гарцующих пчел на стволах, и громадные гнезда птиц рохан, кожу которых не пробить и топором. Впервые я забрела так далеко от домов моей стаи, и так высоко. Отсюда Тигровая река казалась блестящим змеем, окруженным огнями деревень. Мы тащили за собой быков, шли все выше, до ночи, пока не дохнуло холодом. Вдруг отец остановился и поднял руку.

Прямо над нами в ночное небо уступами поднималась блестящая скала. Сквозь щели в камне тут и там пробивался свет. Три матери в ярких шкурах и масках ждали нас у распахнутой пасти храма. И живые, самые настоящие, прирученные хищники топорщили гривы позади женщин. Мужчины остались внизу, поставили шатры, и легли спать. Мужчинам в логово нельзя. А мы из нижней пасти долго поднимались в темноте по невидимым ступеням, и выбрались, наконец, под звезды. Посреди ровной утоптанной поляны торчали вверх несколько длинных обтесанных камней, похожих на пальцы. Словно ладонь великана пыталась прорвать землю, но застыла навсегда. Из трещины в огромной ладони неспешно лилась вода и заполняла мелкий, круглый пруд. Вода казалась абсолютно черным застывшим куском смолы. Вокруг пруда горели три костра, молодые матери что-то подсыпали туда. Я узнала аромат веселящей коры, и дурман-корня.

- Если ты здесь, Нуйкан, это еще не значит, что ты станешь волчицей, - заявила мне одна из старших, - К стае не подходи. Пока тебя не облизали и не пометили, ты для них не своя. Ты сейчас никто. Ты пустая. Тебе предстоит не учиться, а наоборот, забыть всю учебу. Понимаешь? Только забыв все, что тебе кажется важным, ты научишься танцевать с муравьями и говорить с волчьей стаей. Ты не здесь и не там, ты – везде, понимаешь?

Конечно, я ничего не понимала. Одни женщины запели, а другие стали постукивать браслетами, кто-то бил в барабаны, кто-то заиграл на длинных дудках, сделанных из пустых стволов. Я удивилась, когда увидела девушек и девочек, совсем непохожих на моих сестер с Тигровой реки. Мне встретились темнокожие, почти черные девчонки, и немного желтые с мелкими глазами, и высокие, бледные, с белыми бровями и белыми, как перья, волосами. Были даже совсем маленькие. Они прислуживали, стирали одежду, готовили еду. Позже я спросила у мамы, откуда они взялись. Мама ответила, что есть вопросы, ответы на которые надо найти самой.

Одна из ведающих, высокая, худая, в маске гремучей змеи, взяла нож и сделала надрез на моем плече. Впервые я увидела, как желтые муравьи откладывают личинок в ранку чело-века, и как матери собирают сок... Я закусила губу, но это оказалось не очень больно. Желтые муравьи выплевывают в кровь свою слюну, от этого можно увидеть сладкие сны и вообще не проснуться. Матери смешали мою кровь с соком муравья, и с семенами цветка лоах, и навалили в маисовой муке шариков, и раздали всем, и велели мне положить под язык, но не глотать. Потом мы взялись за руки. Мне приказали снять одежду и посадили в центре у воды, как большую. Вокруг нас молодые волчицы все быстрее раскачивались, пристукивали браслетами, все громче завывали дудки. Мне стало казаться, что под нами раскачивается вся скала.

- Просто смотри на воду, Нуйкан, и ни о чем не думай, - велела старуха, - Просто смотри на воду и жди волну. Возможно, где-то там есть твоя сестра, она услышит тебя и обратится

в тебя, и вы постройте мост. Нам нужны новые сестры, Нуйкан. Найди ее! Ты будешь там и здесь, и при этом – нигде. Ты будешь собой и будешь ею, но никто не сможет понять, где ты сейчас... Освободи себя, прогони мысли, просто дыши и смотри.

Я смотрела на огонь, на черный каменный палец, весь разрисованный фигурками танцующих женщин и муравьев, и... не заметила, как это случилось. Воздух обернулся густой кашей, точно застыл в горле. Костер завыл северным ветром, цвета стали яркими настолько, что я закрыла глаза, но это не помогло. Множество прозрачных нитей, они струились из меня, как паутина, ползли во все стороны, летели в небо и в стороны, тянулись к фигурам ведающих, и к лежащим вдали волкам, опускались в холодную воду, и я поняла вдруг, что слова не нужны, зато нужно двигаться, падать, качаться, танцевать.

Мои ноги переступали очень быстро, все чаще и чаще. Вместе с грохотом барабанов что-то расцветало и множилось у меня в голове. Небо и звезды надвигались все ближе и ниже, мне казалось – достаточно протянуть ладонь вверх, и черная звездная простыня окутает меня с головы до ног, и закружится вместе со мной...

- Так я и знала. С первого раза, - прошептала где-то рядом старшая мать, и где-то далеко-далеко взяла меня за руку, - Иди в воду, Нуйкан. Смотри на себя. В отражение, в воду. Ты здесь, но тебя нет. Ты – там, но там тебя тоже нет. Ты – мост. Что ты видишь?

Мне помогли спуститься вниз. Я почти сразу провалилась по пояс, и на мгновение забыла, как делать вдох. Музыка гремела все сильнее, даже под водой мои ноги подергивались, и руки и спина. В воде от меня повалил пар, как от горшка с вареным бататом. Кажется, три женщины зашли в холодную глубину вместе со мной, я ощущала их добрые руки.

- Говори, что ты видишь!

- Я вижу...много-много хижин...из камня. Они стоят друг на друге, до самого неба...Я вижу женщин и мужчин...их проглотила железная птица и теперь...она летит по небу, огромная железная птица, с круглыми окнами, внутри нее люди...я вижу как вода течет сквозь их хижины вверх, и синий холодный огонь течет вверх внутри стен...Они греют еду на этом огне...я вижу как их земля вся покрыта жидким камнем, и под камнями летит железный червяк, он тоже с окнами, и внутри червя людей так много, как в муравейнике...

- Найди свое обращение, найди свою сестру! Ничего не думай.

- Слушай ту, которая отзовется!

- Найди ту, что будет танцевать с тобой, найди сильную волчицу! Найди Тигровую реку!

Построй мост. Ты здесь и ты там, и ты нигде!

- Смотри в отражение, ты видишь ее?

В отражении металась и прыгали небесные огни. Я пыталась что-то увидеть, пока глаза не начали болеть. Но когда глаза устали, и я уже поняла, что никого не увижу...

Я ее увидела. Но не глазами.

- Как тебя зовут? Отвечай!

- Меня зовут...меня зовут... – я даже не смогла сразу выговорить, как можно дать девочке имя с последней поющей буквой, ведь злые духи могут за эту букву высосать твою душу?

- Как зовут тебя, волчица? Как твое имя?

- Меня зовут Милка Густова.

3.Милка. Путь к себе.

Это случилось в последнюю ночь нашей экспедиции к племенам Тигровой реки. Я очнулась в палатке, под противомоскитной сеткой, и подпрыгнула так, словно в штаны подложили тарантула. Проснулась с четким ощущением, что стою по пояс в очень холодной, гладкой как зеркало, воде, но в отражении вижу не себя, а коричневую темноглазую девчонку с раскрашенным лбом и деревянными палками в ушах.

- Нуйкан, - пробормотала я, - Нуйкан, Нуйкан.

Наши все дрыхли, у костра шептались проводники, стрекотали насекомые, тархтел генератор, бурлила в реке вода. Я попыталась встать, но тут же плюхнулась обратно, ноги не держали. Схватила себя за плечо, ощупала ноги, покатила язык во рту. Казалось, ноги исколоты травой, голым ступням горячо от близких угольков, на плече зудит шрам от недавнего пореза.

Нуйкан, Нуйкан. Откуда взялось это имя?

Я изо всех сил сжимала зубы, чтоб не орать, когда мать-волчица выдавливала мне яд из ранки, вместе с распухшими, нажравшимися муравьями, а затем втирала в плечо лечебную травяную кашицу. Потом мы танцевали, горели три костра, мы танцевали без одежды, у воды... Там был мужчина, раздетый, грязный, смертельно больной. Кажется, он умирал? Но я... Но мы с Нуйкан что-то сделали с ним. Боже, какой же он был тяжелый и какой смрад от него, тот заросший, опухший мужик, которого мне пришлось нагишом обнимать и...что же дальше? И черная жаба, что внутри него рыла ходы, это четвертая стадия, метастазы повсюду, он гнил заживо, но я...мы с Нуйкан, что мы сделали с ним, с этим дикарем?

Повинуясь первому позыву, я едва не разбудила весь лагерь. К счастью, вовремя остановилась. Пожалуй, лучше расскажу им по дороге. Не стоит коллегам знать, что их научный руководитель, доцент кафедры, внезапно сошла с ума.

Половину обратного пути я не могла уснуть. Реклама «Нейротранса» встретила меня уже на пересадке в Каирском аэропорту. Месяц назад здесь повсюду висела реклама какой-то жратвы. Мне даже на секунду стало холодно. Наверное, мне следовало бы радоваться, ведь мой муж там работает, он – один из создателей «Квантума». Могущественный «Нейротранс» купил его стартап на корню, и сохранил Виктору должность, и пакет акций. Наверняка, мне следовало гордиться. Но гордиться не получалось. В голову бы не пришло, что наши умники добрались уже и до Африки, до мусульманской страны. Впрочем, какая разница для правления корпорации, все решают деньги. И актеры для местных роликов снимались другие, специально подобранные из местных, смуглые и кудрявые. Хотя, о чем это я? Нет никаких актеров, любую внешность давно синтезирует сеть.

На каждом экране – одно и то же. Уставшая, и даже изможденная женщина ложится в кресло, надевает гарнитуру, и счастливо улыбается. Крупным планом вылезает будильник, стрелка пробегает десять минут, наша героиня встает помолодевшая, энергичная, умная. И невзирая на ленивого мужа, тупых подруг, злую свекровь, строит новую светлую жизнь.

«Теперь я знаю, как не надо поступать».

Занимательный слоган, прямо-таки противоядие от всех бед. Потом я снова сижу в кресле самолета, и читаю уже в российских «новостях», сколько тысяч человек ежедневно покупает демо-версию «Нероквантума», и как снизилась преступность, и как выросли психические отклонения, и как упала популярность любых компьютерных игр, и что происходит с институтом семьи, и заумные споры психологов, и дурацкие рассуждения на тему, куда это все приведет.

Идиоты. «Этр все» не приведет, оно *уже* привело.

Потом я еду в такси уже по Петербургу, и смотрю мужскую версию рекламы. И, конечно же таксист тоже продает абонементы на «Нейроквантум». Все его продают. За три недели, что я отсутствовала, кажется, тут свихнулись те, кто еще как-то держался. В машине я сделала шесть звонков, из них три по работе, и из шести человек, четверо лежали, проглотив капсулу. Я попыталась себе представить, что будет, если команде моего мужа удастся довести до ума не суточную версию, а полноценное погружение. Лично мне хватило несколько минут, чтоб захотеть остаться там навсегда.

Ничего хорошего нас не ждет.

Из аэропорта я не поехала на дачу к маме, к ребенку, как обещала. Я ворвалась к спящему Густову, растолкала его, и заставила слушать. Я здорово рисковала; мой муж один из лучших нейрокриптологов планеты, он занимает руководящий пост в «Нейротрансе», и лучше его не

будить по пустякам. Виктор прекратил зевать, когда я ему поведала последнюю часть моего «сна». О том, что мы делали с Нуйкан сообща. О том, что мы делали после того, как завершился танец желтого муравья.

- Кроме тебя еще кто-то испытал подобное? – спросил он, что-то быстро записывая, - Из тех, кто там был с тобой?

- Никто. Утром я уговорила провожатых отвести меня к старостам ближайшей деревни. Мне перевели так – якобы, я из тех, кто «спит с открытыми глазами», мне очень повезло встретить «накийаль», проводника между «озерами». Такова их концепция бытия. Ты смотришь в озеро со стоячей водой и видишь отражение всего, что вокруг. Но та из озера, она тоже вглядывается в тебя. Но и это не все. Та, которая смотрит в тебя, она, возможно, видит кого-то другого. Такая вот каша.

- Вот оно, - Густов до этого медленно бродил от окна к столу, обнимая кофейную кружку, но внезапно замер, - Вот оно. Проводник между озерами. Момент перехода. Отражения отражений.

- Ты о чем? – запнулась я, - Ты мне веришь вообще?

И тут до меня кое-что дошло. Я поглядела на него внимательно. Он не просто не выпался. Он еле держался на ногах. Я уже видела его таким. И он обещал, что больше это не произойдет.

- Ты опять *был там*? Один? Вам же запретили? Ты серый весь. Что у вас случилось? Кто-то еще погиб?

- Ну... Витковского увезли с инфарктом, - он замялся, - Плохой прогноз. И Затонова из третьей тестовой группы в коме.

- Что-о? Дима Витковский? Я его помню, он же здоров, как бык. Густов, вас засудят!

- Оба из команды добровольцев, судебного преследования не будет.

- Оно уже идет, преследование. Сколько вы денег заплатили, чтоб замаять гибель людей в первой группе? Бородай тоже был доброволец? Я его помню, вы же вместе начинали, прекрасный парень, он же у нас дома был. А тот канадец Томас? А китаянка?

- Ты не понимаешь. Все знали, на что идут...

- Густов, помолчи и послушай женщину. *Это ты* не понимаешь. Эти люди из Бюро тебя сотрут точно так же, как резинкой сотрут. Несмотря на звания и заслуги. Ты ничего не видишь, кроме своей науки. Для этих людей, кто вложил в вас деньги, люди как песок! Скажи мне... Это началось после того, как вы... подменили мозг?

- Это началось еще раньше. Только, пожалуйста, - поморщился он, - Давай говорить «после модификации». Между прочим, после того, как мы заменили искусственно выращенный органоид на срезы живого мозга, мощность сети возросла в семь раз. И скорость по-прежнему растет! Короткая демо-версия просто идеальна. Но когда пытаешься прожить там несколько суток, возникают... скажем так, серьезные искажения. Мне нужно разобраться. Не беспокойся, я вхожу с домашнего терминала. Никто о нем не знает. Меня не успевают засечь.

- Подожди. Ты же тестируешь систему. Кто тебя может засечь? То есть... в смысле... Кто за тобой может охотиться?

- Не знаю, - он посмотрел сквозь меня, - Спустя примерно сутки игрового времени, симуляция становится неустойчивой. Мы пока не нашли причину.

- Сколько раз ты туда входил за последнюю неделю? Лично ты.

- Ммм... Двенадцать раз в демо. И пятый раз в полную версию.

- И ты не включаешь ваш этот... режим отсечки?

- Включаю, не бойся. Но ты пойми, с принудительным режимом мы никогда не поймем, что там дальше происходит. Приходится рисковать. Но риск минимален.

- Ты с ума сошел! Сколько ты там провел времени?

- Немного. Чуть больше суток. Несколько минут базового. Меня выкидывает с потерей памяти. Потом память восстанавливается.

Он выставил ладони, словно защищаясь.

- Мила, никто не собирался пускать в продажу что-то опасное. Сейчас семь миллионов человек купили демо-версию, и наслаждаются своей суточной альфа-свободой. И тридцать девять миллионов заявок, люди готовы купить полный доступ. Это безумные деньги. Проект уже никто не отменит... Слушай, ты же приехала не за тем, чтобы выяснять отношения?

- Я приехала. Потому что матери-волчицы умеют лечить рак.

- Тебе. В Африке. В лесу. Что-то приснилось. И ты решила, что сможешь каким-то образом спасти Царенко. И пытаешься меня в это вовлечь.

Я смотрела на Густова, и вдруг увидела его глубоким стариком. Сейчас он старел красиво, высокий такой аристократический лоб, широкая кость, густые брови, крепкая шея.

- Витя. Женя не чужой человек. Особенно после того, что с нами было. После того, что она для нас для всех сделала.

- Не чужой, - он не отвел глаз, - Но как ты это видишь технически? Собрать экспедицию, самолет, получить разрешения у местных властей, нанять охрану, чтобы что? Чтобы искать в лесу шаманок?

- Я не знаю, не знаю, не знаю, - честно призналась я, - Мне кажется, надо использовать все возможности.

- Это огромные деньги. Ваши экспедиции оплачивает бюджет. Ну, хорошо, деньги мы найдем. Но меня не выпустят за границу, и я не знаю нужных людей, это тема дипкорпуса, - отрезал он, - Помочь может только Рубен. Если он в тебя еще влюблен, он тебе поможет. Без него тебе не справиться. Но что если Царенко не согласится?

- Она согласится, - я встала и обняла его, - Густов, она согласится. Если *ты* ее попросишь. А ты-то сможешь? Ты уверен, что сможешь уговорить Рубена?

- Я думаю, сейчас не тот момент, чтобы выяснять отношения. Если Рубен еще помнит.

- Да, - прошептала я, - Если он *еще за меня*.

Густов уселся за компьютер. Я смотрела на него сбоку и видела Дашу. Моя дочь, это Даша-за папой-повторяша. И как же все могло быть совсем иначе, если бы все сдвинулось хотя бы на один день, или на пару слов...

- Ты каждый разходишь в игру, и там все так же, как здесь, те же люди, тот же город, то есть, все мы там есть?

- Да, все как обещано. Пожалуйста, не употребляй слово «игра». Принято официальное название – альфа-реальность. Каждый там альфа и творит, что хочет. Но пока на срок меньше суток. А вот дальше начинается... Бородай называл это «ночь живых мертвецов».

- Значит, я там везде и всегда – твоя жена? Ты меняешь симуляцию, а я всегда твоя жена? Или ты там зажигаешь с порнозвездами?

- Ну, разумеется, - его пальцы, летавшие по клавишам, на мгновение замедлились, - Ты везде моя жена. Симуляция абсолютно идентична нашему миру. В точке входа, разумеется. Дальше каждый творит свое.

- Развилка судьбы, - кивнула я.

- Как ты сказала? Хорошее название для проекта.

- И как я там тебе в постели? – я задала этот глупейший вопрос, хотя прекрасно понимала, что «включать стерву» даже в самом лайтовом варианте сейчас точно не следует. Но что-то меня подкидывало. Его чутьчку дрогнувший голос.

Густов резко отодвинулся от компьютера, повернулся ко мне и перешел в боевой режим. Практически так же защищается моя дочь. И может быть, поэтому Даша меня порой так раздражает. Я смотрела на мужа, и видела в нем оторву с черным лаком, и татуажом на щеках. Она настолько привязана к Виктору, что даже врет как он. Хотя он с ребенком почти не занимается.

Но если бы мир сдвинулся... хотя бы на один день, все могло бы пойти иначе. Поэтому я так боюсь лечь в кресло с гарнитурой «Нейротранса» на голове.

Я ведь тоже туда ныряла. Всего несколько минут здесь, и почти целый день *там*. Еще до того, как они начали продажи демо-версии. И я помню, что там произошло.

Мне не захотелось оттуда возвращаться.

4. Виктор. Симуляция. Тест 17. Усадьба барона Шварца

Выбравшись с кольцевой, игнорируя камеры, «Порше» пролетел два перекрестка на красный. Затем машина прыгнула на брусчатку, проломила шлагбаум, свернула в открытые ворота промзоны и покатила по пыльной грунтовке. Мурлыкнул вызов, над приборной панелью развернулся трехмерный экран. На экране возник мужчина в балаклаве, темных очках и маске, с декодером речи.

- Объясните мне, что происходит? – взвился Густов, - Кто вы? Где моя жена? Почему в меня стреляли? Почему вы в маске?

- Я в маске, потому что мы еще в пределах действия городских мобильных камер безопасности. Здесь повсюду летают «стрекозы», которые твой же «Нейротранс» разрабатывает по заказу муниципалов.

- Почему это «*мой*»? Не понимаю, о чем вы!

- Потому что ты директор департамента корпорации. Это ты придумал «Нейроквантум», первую бионическую сеть на планете! Ты так и не вспомнил?

- Какой еще директор?

По сторонам замелькали крыши дачных домиков. Приличная проселочная дорога сжалась до узкой колеи, с обеих сторон о дверцы скребся ельник, о днище бились камни. Впереди, загораживая проезд, болталась сетка рабица с надписью «Въезд запрещен. Частная собственность». Машина ткнулась бампером в преграду и замерла. Стало слышно, как шумит ветер в соснах. Откуда-то доносились звонкие удары топора и тарахтенье дизеля. Гудели насекомые. Пахло смолой и баннным дымом. Человек на экране стянул с головы балаклаву.

- Дорогой, теперь узнаешь меня?

- Рубен?! Постой, погоди... Нет, ты не Рубен. Он совсем не такой...оxxx! – Густова внезапно затошнило, мир накренился.

- Витя, в бардачке фляжка. Глотни, отличный коньяк, - рассмеялся чернобровый красавец. Это был он, Рубик Варданян, помолодевший лет на десять, рослый, плечистый, с белыми, совсем не прокуренными зубами.

- Скажи мне, что случилось у меня дома? И где моя жена? Где Людмила?

- Витя, ты только не шуми, - молодой Рубен закурил, - Витя, Людмила Густова - не твоя жена. Она моя жена.

- Что? Что ты сейчас сказал?

- Это «ложная память», дорогой, ты только не волнуйся, это пройдет, когда ты доберешься до точки выхода, - зачастил Варданян, выставив впереди себя ладони, - Ты сам мне сказал, так работает ваша защита. Мы договорились, что я буду сидеть и ждать сигнал тревоги, как только система обнаружит твое присутствие. И вот проходит день, второй, третий, у меня запищала эта штука, которую ты мне сам дал, я с ней и моюсь и сплю...- Рубен приблизил к камере ухо, стала видна пластинка адептера, и убегающие в прическу, тонкие блестящие нити, - Дорогой, я тут же нажал кнопку, вызвал тебе эту тачку, и стал тебе названивать.

- Я хочу поговорить с Милой. Дай мне ее контакт. Немедленно. Почему ее нет в этих очках в списке контактов?

- Витя, ваш «Нейроквантум» зашвырнул тебя в симуляцию, где твоя жена – это Людмила,

- Рубен выглядел почти несчастным, - А теперь, когда ты вернулся, эта ложная память тебе не

дает покоя. Теперь тебе скорее нужно найти точку выхода, только там сработает ключ, и ты сможешь все вспомнить, и сам ей позвонишь... Витя! Подожди!

Виктор вылез в утреннюю хвойную благодать, шагнул к табличке «Частная собственность», пытаясь сообразить, куда же привез его гоночный электрокар. Ему показалось - воздух стал твердым. Что-то происходило в мозгах. Будто с тяжким скрипом отворялись доселе запертые ставни. Он провел ладонью по теплому шершавому стволу молодой ели, растер в пальцах иголки, вдохнул аромат смолы. Все реально, все как настоящее. Или это и есть настоящее? Тогда что творится с памятью? Он никак не мог поймать опорную точку, хоть какое-то неизбежное событие в прошлом. Если это Рубен, почему такой молодой? А вдруг это вообще не он? Сеть творит чудеса, любой человек может оказаться подделкой. Но почему в меня стреляли? За что меня хотели убить?

В остальном все верно, спорткар доставил по назначению. Где-то неподалеку должна проходить граница садоводства. За тридцать лет колония дачников невероятно разрослась. Естественно, тот огрызок земли, что получили когда-то родители и построили крошечный домик с теплицей, теперь не найти. Здесь школьник Витя Густов когда-то проводил половину летних каникул...

Кажется, здесь случилось что-то плохое.

Никак не вспомнить.

Виктор перелез через ржавую изгородь, и, спотыкаясь, зашагал вниз по склону, по мягкой хвое, по едва заметной тропе. Впереди вырос еще один сетчатый забор, пришлось перелезть, порвал рукав, оцарапался. Затем блеснуло черное зеркало пожарного пруда, а за ним – груды глины, камней, строительного мусора, а за горами мусора...

Он обернулся. Машина исчезла.

Только спокойно, приказал он себе, или я не туда смотрю, или ее ловко откатали в сторону, чтоб меня напугать. Или мне все же вкололи серьезную химию? Он сделал несколько шагов назад, и вверх, и в сторону. Перешагнул молодой муравейник. Отсюда превосходно были видны ворота с табличкой, через которые он недавно перелез. И проселочная дорога. Яркий красный спорткар исчез. Его никто не мог укатить, или даже сдвинуть с места. И двери, и ключ зажигания реагировали только на палец и глаз хозяина. Но даже если машину уволокли трактором... я бы услышал. Нелепость. Все, что происходит этим утром – вдвойне чудовищная нелепость. Начиная с Женьки Царенко в моей постели.

Обратно он поднимался крайне медленно. Словно боясь спугнуть неустойчивый мираж. Затем какое-то время глядел сквозь сетку рабицы на машину. На то, во что она превратилась. На яркое алое пятно в траве, между пыльными колеями. «911-й» стал тем, чем был в детстве Вити Густова. Теперь он вполне поместился бы на ладони. Маленькая игрушечная модель. Очень хотелось подобрать его и сунуть в карман.

Нет, нет, нет, повторил себе Густов, я к тебе не притронусь. Сперва исчезла жена, теперь машина. Если это такой глюк, неизвестно, что станет со мной. Но мы доведем наш сценарий до конца! Густов повернулся, и едва не срываясь на бег, зашагал вниз.

Вот оно! Место, где всегда тихо. Усеянный валунами, косогор на границе садов, невосребованная земля, где невозможно нарезать участки. Усадьба барона Шварца. Останки дворянского гнезда, когда-то жилого, ухоженного дома, полусасыпанные бульдозерами. Обгоревшие, исчирканные граффити, кирпичные стены, пустые проемы окон, просевшая двускатная крыша с претензией на готику. Уцелевшие куски пузатых колонн у входа. Мощный фундамент, заросший одичавшей малиной. И почти сомкнувшиеся над крышей, кроны сосен.

Черт, черт, как же он мог забыть? Помнил же мамину землянику, и теплицу с огурцами, и как гоняли мяч на площадке. Как же он мог забыть про подвал чернокнижника? Это ведь одна из страшилок, любимая пацанами, тогдашними соседями по садоводству. Они приезжали сюда на великах, собирались в своем мальчишеском «штабе», сидели на досках, на драных

кроватях, жгли костер, и кто-то из старших напряженным шепотом рассказал про колдуна, умевшего в подвале выворачивать мир наизнанку...

Будто бы купил этот лес, и построил дом двести лет назад ученый аристократ, барон Шварц. Якобы барон бежал в Россию из германской тюрьмы, куда его упрятали за чародейство. Местные стороной обходили его имение. Изредка к владельцу усадьбы навевались из Петербурга посетители, но всегда в закрытых экипажах. Соседи шептались, что не все его гости потом возвращались в город. Иногда в округе пропадали крестьяне, но власти не находили поводов для ареста. В доме жили двое преданных слуг, не говоривших по-русски, муж и жена. Ухаживали за домом, за лошадьми, за собаками. Шварц держал громадных цепных псов, никого не подпускавших к забору. Однажды в городе искали молоденькую певицу, кто-то написал донос, нагрянула полиция, но... хозяина усадьбы не нашли, а в доме случился пожар. Одни свидетели потом клялись, что барон повесился, другие видели его год спустя за границей, а слуги указали, что накануне пожара барон вместе с певичкой спустились в подвал, и оттуда не вышли. Пожар потушили, перерыли огород и сад, слуг отпустили, собак пришлось пристрелить, а в подвале не нашлось ровным счетом ничего, - ни химических реторт, ни пыточных орудий, ни даже банок с огурцами. Голые кирпичные своды, масляная лампа на табурете, и пара дамских шпилек. Простучали стены, позвали священника, - ничего и никого. Зато нашли второй выход – короткий, полузатопленный подземный ход, который вел в конюшню. По слухам, конюшня тоже сгорела вместе с домом, но зато теперь отпали мистические версии. Стало ясно, что барон элементарно сбежал. И скорее всего, никаким чародейством тут не пахло, обычный аферист и обманщик. Так писали газеты. Так болтали старшие пацаны, которым рассказали взрослые. На самом деле, все могло происходить совершенно иначе.

Единственное, что замечали все, позже спускавшиеся по кривой лесенке – и судебные приставы, и газетные журналисты, и любопытные соседи, и новые жильцы, уже когда в усадьбе устроили сиротский приют, - в голом сводчатом подземелье стояла неприятная, вязкая тишина. Настолько неприятная, что хотелось от нее отмыться. Постоишь пять минут – и точно в студеный невидимый попадаешь. Даже если наверху, в комнатах, кричали, лупили по клавишам фортепьяно, или стреляли из ружья, в подвал не доносилось ни звука. Спускались туда любители потустороннего, со всякими приборами, вызывали духов, жгли черные свечи, шептали заговоры, но кроме головной боли ничего не нашли. Однако люди в округе продолжали пропадать. Не вернулись домой в разные годы и несколько доморощенных исследователей. А на кирпичных стенах подвала стали появляться надписи, вроде «здесь был Вася», буквы русские, но ничего не разобрать. Подержится надпись, да и сотрется. То ли кто-то стер, постарался. То ли само собой.

После того, как имение отдали под сиротский приют, как сквозь землю провалились двое детей и один взрослый воспитатель. И снова потом видели надписи. Только смысла в надписях не нашлось. После революции в имении барона разместился детский дом. Беспорядочные тогда толком не пересчитывали, но в какой-то момент поперек лестницы, ведущей вниз, поставили железную дверь и заварили. Кто-то из сварщиков догадался приставить зеркало и прочесть свежую надпись, нацарапанную гвоздем, но задом наперед.

«Место, где всегда тихо».

Позади хрустнула ветка. Густов резко обернулся – никого. Спину обдало холодом. Обычные лесные звуки, скрип сухостоя, шелест травы, падающие шишки. Но почему не слышно машин, ведь дорога так близко? И птиц не слышно. Он облизнул сухие губы. Очень хотелось пить. Он так торопился сбежать из дома, что не выпил даже глотка воды. Он слишком торопился. Любой бы торопился, когда стреляют по машине! И еще, он слишком легко поверил Рубену.

Или тому, кто притворялся Рубеном?

Кажется, лишь на секунду отвел взгляд от черного зева усадьбы, но кое-что там изменилось. У покосившейся двери, примяв траву, лежал теперь детский велосипед. Или он тут был и раньше? Яркий подростковый велосипед с женской рамой. Густов признался себе, что ему совсем не хочется заходить внутрь. Премерзкое чувство, что за ним наблюдают, стало невыносимым. Виктор остановился и резко обернулся. Показалось или нет? Кажется, тень вон в тех кустах стала гуще. И дальше, левее, колышутся ветки. Это иллюзия, ничего этого нет! Надо повернуть обратно и проверить. Надо просто повернуть обратно.

Но повернуть обратно почему-то не получалось. Даже не потому, что страшно. А впрочем, именно потому, что страшно. Это симуляция, это фейк, я не мог заложить в промпт этот бред. Я не могу заложить то, что сам толком не помню. Это все осталось давно в детстве, и не играет никакой роли!

- Чертова дрянь, как ты это делаешь? – произнес он вслух, обращаясь к порхающей желтой бабочке, - Как ты влезаешь туда, куда тебя не звали?

Красный «Порше», который никогда не существовал. Мебель в квартире, которую он никогда не покупал. Детский велосипед, на котором никто не приехал. Словно будущее, у которого нет прошлого. И непонятно, как запустить следующий ключ отсечки. Ключ отсечки. Слова знакомые, но никак не сообразить, что они означают.

Он совершил ошибку. Варданыну нельзя было верить. Сюда не следовало приезжать. Ни в коем случае. Но теперь поздно. Теперь предстоит найти выход внутри себя. Он несколько раз выдохнул и продолжил путь туда, где его ждали.

5. Нуйкан. Танец мертвеца

- Меня зовут Милка, - повторила я, и сама услышала это смешное имя впервые в жизни. Я хотела засмеяться, но тут же все забыла, потому что огонь плясал, и каменные пальцы плясали, стучали браслеты, и все мы неслись по кругу в вечном танце желтого муравья.

Я не заметила, как матери вытащили меня из воды, кто-то крепко схватил меня за затылок. На носилках хрипел мужчина, не из нашей стаи, раздетый, очень грязный, с раздутым гниющим животом. От него жутко воняло. В таких случаях шепчутся, что внутри человека роет норы голодная жаба. Это про него отец сказал «Нуйкан, для тебя есть мертвец».

- Ложись с ним, Нуйкан. Обними его, - приказала старая ведающая, - Позови свою сестру из отражения. Поднимите его! Танцуй с ним!

Я легла возле него. Он был страшно горячий, весь дрожал, и я слышала, как неровно бьется его сердце. Этот человек умирал.

- Обними его! Постройте мост, прикажите ему встать, прикажите ему танцевать!

Я подняла его с носилок. Мы подняли его. Это казалось невозможным. У меня не сразу получилось позвать старшую сестру. Я же не могла позвать ее по имени. Но я ее слышала. Она теперь все время как будто жила в глубине меня. И она меня слышала. Я впустила ее глаза в мои глаза, ее уши – в мои уши, ее руки – в мои руки. Я слышала, как она меня боится. Тогда я представила, как маленькая девочка утешает большую.

И мы подняли мертвеца.

Несчастный встал с закрытыми глазами, и почти рухнул на меня, а он ведь весил как три таких, как я. Мы свалились в ледяную воду, и кружились с ним в обнимку на дне пруда, его раны зарастали, он орал от боли, а потом мы кричали вместе. Матери-волчицы тоже скинули одежду, пели и танцевали, пот летел брызгами от их раскаленных раскрашенных тел. Звездное небо дышало над нами громадной волчьей пастью.

- Бери нашу силу, бери ее руки, - шептали мне в уши матери, - Привяжи нас к себе, привяжи ее к себе, тебя здесь нет, ты – везде, ничего не думай, танцуй!

Мужчина наверняка плакал от радости, что остался жив. Его унесли. Надеюсь, он выздоровел и вернулся вниз, в деревню. А я рыдала от того, что я теперь не знала, кто я, маленькая

волчица Нуйкан из стаи неспящих, или неведомая Милка, взрослая белая сестра, со страхом смотревшая мне в глаза из черной воды?

Кто я?

Я проснулась от того, что кто-то лизнул меня в лицо шершавым теплым языком. Это была ведущая стаю, старая волчица, встречавшая нас накануне у нижнего входа в храм. Седая, исполосованная шрамами, с мудрыми горящими глазами. Костры еще переливались рубиновой лаской, скалы обволакивал туман, где-то поблизости красиво пели женские голоса. Я лежала на теплой шкуре, и сверху меня кто-то бережно укрыл. Волчица ткнулась в меня влажным носом. Я засмеялась и хотела ее обнять, но мощная самка отстранилась. Когда я встала, ее морда оказалась выше моей головы. Внезапно меня обняли сзади, очень сильно, и я вскрикнула от радости, потому что меня окутал запах мамы. От мамы я узнала, что проспала и ночь и день, а это уже следующий рассвет. Мама велела, чтоб я покормила стаю мясом из своих рук, и скорее поела сама. Я почти не боялась, только ужасно хотела есть, и кружилась голова. Я глотала мясо, взрослые волки лежали возле меня, рычали и обгладывали кости. Когда взрослые едят, их трогать нельзя. А вот маленькие подобрались ко мне близко, и стали в шутку меня кусать, а я стала в шутку на них рычать, и мы играли и прыгали друг на друга, а их матери виляли хвостами, почти как домашние собаки, и улыбались.

- Стая приняла тебя, это хорошо, - сказала мама, - Прости меня, Нуйкан. Я знаю, что тебе было страшно, но я не могла оказаться рядом раньше, чтоб помочь тебе. Приходит такое время. Девочка должна стать взрослой, когда мамы рядом нет. И сейчас я не могу остаться с тобой надолго, я пришла чтобы похвалить тебя. Тебе удалось вернуть к жизни мертвеца. Тебе удалось приручить стаю. Но главные испытания тебя еще ждут. Посмотри на наших лесных помощников, Нуйкан, - мама погладила маленького неуклюжего щенка, - Сейчас эта стая спит и набирается сил, но скоро придет их срок, вместе с нашими сестрами они отправятся охранять границы. Другая стая вернется на отдых с южной тропы, они уже возвращаются. Еще две стаи сейчас берегут восток и запад, так было и так будет. Волчата подрастают и занимают место старших. Когда-то великая Мать хотела дать женщинам Тигровой реки в помощники не волков, а тигров или песчаных львов. Тигры намного сильнее волков, но они одиночки, их трудно приучить жить в стае. Песчаные львы живут далеко за лесом, ты их никогда не видела, и я видела лишь раз. Они живут стаями, их можно было научить, они умные, очень опасные, но они не могут жить в наших плачущих лесах. Им нужны ровные поля или пески, там где они охотятся на диких коз, на рогатых и прочих травоедов. Поэтому Мать всех волков выбрала красных волков, и сделала их умными.

Нуйкан, твой отец и другие мужчины пасут стада, и приведут сюда следующий мясной караван. Ты можешь вернуться в деревню, но не можешь остаться ребенком. Разве ты видела, чтобы бабочка оторвала себе крылья и стала опять гусеницей? Разве ты видела, чтобы взрослая птица опять залезла в яйцо? Не плачь, я люблю тебя и знаю, что ты справишься. Дочь моя, я пришла в логово не только, чтобы обнять тебя. Мне сказали, во время волны твоего обращения случилось кое-что удивительное. Не каждая девочка с первого раза способна вернуть к жизни умирающего. У меня это получилось не сразу. И не каждая девочка способна пройти отражение, и найти сестру...

Мать замолчала, глядя куда-то поверх меня. Я прижималась к ее груди, и слышала, как стучит ее сердце. Она так нечасто меня обнимала. Не потому, что она плохая. Но красная волчица не может быть слишком мягкой. Мы храним великое равновесие. Уже сотни урожаев мы храним мир вокруг Тигровой реки.

- Мама, что я сделала не так?

- Старшие сейчас курят священную трубку и думают, как быть дальше. Твоя сестра из отражения...она совсем не та, кого мы надеялись найти. Она сильная. Но не настоящая красная

волчица. Она живет в мире, где таких, как мы, давно нет. И мы не знаем, как поступить, если она начнет строить мост. Потому что, ее мир пахнет смертью.

- Что же мне делать?

- Ни в коем случае не танцевать с ней.

6. Милка. То, что между нами

- Ребята, это не одно племя, - я выключила проектор, - Это группа племен, обитающих в дельте реки. Западнее сплошные болота, пешком к ним нет дорог. То, что мне довелось наблюдать, и участвовать - это фантастическая удача.

Я смотрела на Рубена слева, ловила движения его губ, и видела, как много лет назад, он отрывается от меня, худой, лохматый, уставший, счастливый, приподнимается надо мной, чтобы взять стакан воды, и снизу я вижу его глотающее горло и это дрожание губ. Варданыян смеется, мол это фантомы. Надо было пожениться тогда, сразу после первого курса. Давно бы уже отболели и благополучно бы развелись. Встречались бы на свадьбах детей. Он смеется, но ему не очень смешно.

Между нами слишком много *несмешного*. Между нами много такого, отчего мне хочется кричать. Порой мне кажется, что я сижу внутри прозрачного, очень толстого купола. Там, за стенками люди хохочут, горланят песни, играют на скрипках. А я кричу, все громче и громче, за пределами всех мыслимых ультразвуков, пока прозрачный купол не покрывается трещинами. Он скрипит и трещит под напором моего вопля, а я зажмуриваюсь до боли в глазах, и все жду, когда он взорвется.

Когда-нибудь он взорвется.

- На самом деле, я согласна, это безумие, - впервые подала голос Царенко, - Как мы туда доберемся? Надо целую армию с собой брать.

- Безумие никогда не было признаком глупости, - заметил Рубен.

Густов заметно нервничал, он боялся смотреть на Женьку Царенко. Она заметно подурнела. Волосы у нее видимо лишь недавно начали отрастать. Она стала тоньше бумаги, гораздо страшнее, чем я ожидала, но более поганим оказалось то, что и я не могу смотреть на нее в упор. Мы сидели, закутвшись в одеяла, на той же веранде того же дома, принадлежавшего когда-то еще деду Рубена. Сидели на тех же стульях, что прорву лет назад, перед экзаменами. Только я тогда - на коленях у Рубена, а Женька - в кресле с моим будущим мужем, Витькой Густовым, свернувшись на нем мурчащей кошкой. «Я - за тебя, - шептала она тогда, - «Милый, я всегда за тебя».

И вот. Кажется, мы пришли туда, где пора все вспомнить. И понять, кто за кого.

Теперь Рубен наполовину седой и почти круглый, а Женечка... Когда я краем глаза ловила ее профиль, я видела лысую голову хищной птицы, на иссохшей шее, торчащей из плеча. Рубен называет это «видеть на тонком плане». С одной стороны, мне Женю непередаваемо жаль, с другой... На нее такую мой Витя теперь точно не западет. Кстати, у нее где-то есть официальный муж. Позорно сбежавший после первого курса химии. У Варданыяна...кто-то там за границей тоже есть, и дети от двух браков. И заметно, что он до сих пор в дороге, так и не нашел себя. Несмотря на свой важный пост и регалии, доставшиеся ему по наследству, и даже служебный транспорт. Кто-то должен оставаться в дороге, кажется, так писал старина Керуак. Рубик любил цитировать Керуака. Смешно в этой истории то, что по-настоящему «в дороге» он только теперь, наполовину седой и круглый. А тогда, когда полагалось хипповать и цитировать хиппаря Керуака, Рубик страшно боялся своей мамочки. Может, если бы не его мама...

Впрочем, уже неважно.

- Рубен, если ты сбежишь, мы проиграем, - я строго поправила очки, - Так вот, эти муравьи, кстати, вовсе не желтые, скорее оранжевые, они эндемики. Весь ареал обитания -

полсотни километров, между рекой и болотами. Любопытно, что они паразитируют на животных. И на человеке.

Прорву лет назад. Мы сидели здесь же, на веранде, пили вино, и Царенко первая придумала это. «Я за тебя. А ты – всегда за меня?» В этом вопросе все ответы и вопросы, заявила она. Либо ты навсегда за меня, либо нет. Ты за меня, что бы не случилось, так? Я тогда сказала – вот здорово, а если он, к примеру, почки человеческие продает? А Густов, мой будущий муж тогда спросил ее, обнимая, вроде бы вскользь:

– Если ты за меня, почему ты не хочешь ехать со мной?

А Рубен...Рубен тогда не приставал ко мне с вопросами. Он тогда не очень правильно говорил по-русски, и вел себя немного, как медведь. Он грел руки у меня под свитером и целовал мне шею. И возможно, тот вечер – лучшее, что случилось за мной за столько последующих лет. А случилось немало. Волшебный свет возможностей, вдохновение любви, легкость бытия. Замужество, ребенок, кафедра. Но куда провалилось то, что казалось, задержится навсегда? Или я себя все эти годы обманываю? А теперь – невероятный проект Густова. Его «Черный хамелеон», который вот-вот вывернет мир наизнанку. Или мир уже вывернут наизнанку? Происходит миллион событий, но всегда остается еще кое-что. То, что между нами всеми. То, что мы старательно не вспоминаем вслух.

Мы не вспоминаем, но слишком хорошо помним.

– Так и где нам искать ту девушку, что тебе приснилась? – спросил Рубен, – Она совсем ребенок?

– Мне кажется, ей лет четырнадцать... Я могу ошибаться, они же раскрашены и выглядят совсем иначе, и взрослеют раньше. Но я ее не видела! Я видела отражение в воде. Я была внутри нее, понимаете?

– Перенос сознания, – хмыкнул Густов, – А ведь с точки зрения самой передовой науки, повторить карту мозга нереально. Никто не может даже приблизительно представить, как работают в связке сто миллиардов нейронов. И вдруг оказывается, что эту задачу легко решают дикари!

– Вы все ненормальные, – прошептала Женька, – Вы всерьез верите, что если Миле удастся...как-то их уговорить, и нас туда пропустят, и я сожру дерьмо их муравьев, это убьет мою бластому?

– Вероятность выздоровления существует, но не это главное, – очень серьезно произнес мой муж, – Лечение – это лишь побочный эффект.

Я смотрела на Густова, и в который раз изумлялась его мозгам. Его грандиозным, но таким мерзким мозгам.

– А что же не побочный? – спросила уже я.

– Танец.

7. Виктор. Симуляция. Тест 17. Там, где всегда тихо

Вблизи усадьба барона Шварца выглядела совсем грустно. Виктор преодолел пару канав, обогнул груды строительного мусора, и остановился на потрескавшемся крыльце.

– Эй, чей велик? – позвал он, почему-то стараясь кричать не слишком громко, – Есть кто в доме?

Разумеется, никто не ответил. Где-то далеко долбил дятел. Поперек темного провала двери трепыхалась паутина. С сухим стуком падали шишки. Еще можно уйти, можно сбежать. Вот только куда бежать, если он сам здесь назначил точку выхода?

Виктор присел на корточки возле лежащего велосипеда. Старый добрый «Салют» с женской рамой, и сломанной подножкой. Прекрасный, надежный велосипед советских времен. Такие давно не выпускают, очень давно. Выглядит, как новенький. Возможно, он и есть новенький. Седло опущено до предела, значит, приехала маленькая женщина, или девочка.

- А ты ведь прекрасно знаешь, чей это велосипед, - произнес ехидный голос в голове, - И не будем делать вид, что ты забыл. Ее велосипед так и остался тут лежать, когда ты сбежал, так ведь?

Позади послышался мягкий шелест. Кто-то спускался следом. Густов обернулся, чувствуя, как все проваливается внутри живота, как деревенеют ноги, и неукротимо пульсирует мочевого пузырь. По тропинке следом за ним шли двое. Они больше не прятались. Парень и девушка, тонкие, кудрявые, никак не полиция, и не секьюрити «Нейротранса». Едва Густов стал на них пристально смотреть, эти двое остановились. Остановились и замерли. Девушка улыбалась, оскалив верхние зубы. Парень держал в руке что-то длинное, металлическое.

Где-то сбоку, на периферии зрения, мелькнула тень. Дед в розовой шляпе, небритый, в трениках, стоял за сеткой рабица, в зарослях крапивы, и смотрел. Просто стоял и смотрел, но секунду назад его там не было. И в кулаке дед сжимал рукоять здорового секатора. А парочка кудрявых юнцов, тем временем, придвинулась на пару метров. Стоило Виктору переключить внимание, они придвигались все ближе.

И с другой стороны дома, из-за горы строительных отходов, тоже кто-то выглядывал. Две пожилые дамы с рюкзаками. И кажется, у одной в руке нож. Густов резко перевел взгляд с дачниц на старичка с секатором. Тот так и стоял, облокотясь на заборчик, но очутился на пять метров ближе. Розовая пляжная шляпа наполовину закрывала его лицо, но то, что Густов видел, ему совсем не нравилось. У человека не может так растягиваться рот. Даже если человек смеется, рот не может растягиваться куда-то вбок, до самого уха, обнажая кривые черные зубы...

Это симуляция, это все ненастоящее, несколько раз повторил себе Густов, это какое-то нарушение, я разберусь, я выясню, мы соберем правление, и перезапустим систему. Он вдохнул, как можно глубже, и медленно выдохнул.

Я просто не буду на них смотреть, вот и все! Я войду в этот чертов сарай, и выберусь отсюда. А потом мы разберемся, что происходит. Главное сейчас – найти точку выхода. Я не помню. Не помню. Не могу вспомнить. Но здесь что-то произошло, какая-то гадость...

Неподалеку прошелестели колеса, раздались негромкие хлопки дверей. Затем треск веток, ближе и ближе. Окружают, вяло подумал Виктор, не выпустят. Вся эта гонка не имела смысла, служивые нашли его. Идиот, я сам привел их сюда, доверился. Если они меня запрут, и не включится режим отсечки, то я застряну тут навсегда... Меня могли бы вытащить принудительно, как мы вытащили тогда Джан Ли, а потом еще двоих. Джан, такая милая, приятная аспирантка из шанхайского универа, она сама записалась в первую контрольную группу. Мы ее вытащили, едва поперли зубцы на кардиограмме, но было поздно. Что же она увидела? Что ее так напугало? Но уже неважно. Важно то, что старшего тестировщика Густова, вытащить некому. Потому что идиот Густов входит в сеть с домашнего терминала, без медицинской поддержки.

Виктор шагнул в дом.

И все изменилось.

Здесь жарило солнце, дул нежный ветерок, и дурманяще пахло цветами. Он очутился на широкой уютной террасе, окруженной витой оградкой. В которую только что врезался. И смотрел сквозь решетку на убегающее вдаль, серо-бурое, очень ровно выкошенное, поле. Стараясь не упасть, Густов неторопливо обернулся. Пропали обгорелые разбитые стены. Пропали горы мусора. В метре позади него вздымалась щербатая каменная поверхность, увитая плющом, и покрытая ярко-зелеными кляксами мха. Откуда-то волнами налетал далекий разногласный шум, похожий на шум зрительного зала перед спектаклем.

Голова почти не кружилась, лишь кислый вкус во рту и зверски чесались виски и макушка. Густов огляделся. Небо скрывал нависающий козырек крыши. Небо показалось

слишком белым, а солнце буквально слепило, что-то не то, как в мультфильме. Нет, с небом мы разберемся позже...

Сам дом снаружи теперь выглядел, как игрушечный лесной дворец из книжки Андерсона. Шпили, винтовые лесенки, балкончики с горгульями, черепица, окошки с витражами, изящные чугунные фонари, выросшие в стену метровые стволы сосен.

Невозможно, сказал он себе. Мечта из детства. Картинка с витрины. Когда-то, баснословно давно, школьник Витя Густов стоял на тротуаре, с ранцем за спиной, и глазел, переминаясь озябшими ногами, сквозь окно сияющего Дома игрушек, на волшебный лесной замок. Наверняка это дизайнерское чудо не продавалось. Там, в громадной витрине, лежали и стояли и другие игрушки. Там висел воздушный шар с человечками в корзине, по блестящим рельсам катался туда-обратно паровоз, но Витю Густова тянуло к сказочному жилищу лесных королей. Так мечталось стать крошечным, и войти по деревянному крылечку, между мерцающих светодиодов, в распахнутые полукруглые ворота...

Виктор сморгнул. Секунду назад он наслаждался видением рая, но теперь происходило что-то непонятное. Добавился стонущий атональный звук, он нарастал, перекрывая мелодию утра. Казалось, этот стон состоял из множества человеческих голосов, песен, музыки, обрывков смеха. Но едва он достиг такого уровня, что стало возможным различить отдельные выкрики, как прозвучал глухой удар, будто упало тяжелое бревно. И стало тихо.

Виктор несколько раз закрыл и открыл глаза, не доверяя зрению. Крошечный парк у ворот. Беседки. Пруды. Линии розовых кустов. А дальше...

Вся линия горизонта, все это серо-бурое поле, вблизи незаметно, но чем дальше, тем сильнее, загибалась вверх, сворачивалась, точно засушенный лист. И там где искрящаяся даль смыкалась с бирюзовым небом, там ширилась полоса темно-синей, почти черной воды, с барашками пены по краю. Именно так он представлял себе цунами. Морской бесшумный ужас, от которого не укрыться, и не успеть сбежать.

То, что происходило вокруг... Так мог бы видеть мир крошечный муравей, или человек, стоящий на дне кратера, или попавший на огромную планету, например, Юпитер. Линия горизонта накатывала, словно мир вокруг скручивался тлеющей папиросной бумагой. Смотрелось это... как кадр из фильма про апокалипсис. Про ядерный удар в замедленной съемке. Только с выключенным звуком. Еще несколько секунд, и неясный вой превратится в неопишуемой мощи рев. Но ты его уже не услышишь, у тебя порвутся барабанные перепонки. А мгновением позже ты перестанешь и видеть. Ударной волной тебе сорвет кожу с тела, вместе с глазами, волосами, одеждой...

Густов вспомнил. Этот сон он видел неоднократно, еще школьником. Всякий раз выныривал в холодном поту. Такой сон не мог никому понравиться, но, тем не менее, подросток Витя Густов находил абсурдное, болезненное удовольствие, смакуя последние мгновения судного дня. Откуда все началось? Возможно, какой-то фильм-катастрофа, или документальный ужастик на уроке гражданской обороны, уже неважно. Поделиться столь приятным предчувствием с родителями он не мог; впечатлительная мама непременно отвела бы сына к врачу. Но врач – это полбеды, мама предприняла бы тотальную проверку, что ребенок читает и что смотрит.

Опять этот нарастающий шум, невнятный человеческий хорал, и в завершение – удар бревна. И тишина.

Слева от себя он, наконец, заметил дверь. Даже не дверь, а те самые, полукруглые готические ворота из детства. И как в детстве, приглашающие войти. И надпись над воротами, на немецком языке. Задрав голову, Густов дважды перечитал буквы, начертанные готическим шрифтом. Он мог дать что угодно на отсечение, но школьник Витя Густов этой надписи прежде не встречал.

«Das herrenhaus von Baron Schwartz»

Усадьба барона Шварца.

- Это просто праздник какой-то, - произнес Густов, - Но должен же приличный барон иметь приличный кукольный замок. Ведь где-то же чернокнижник жил до приезда в Петербург.

И если меня там ждут, то я к новой встрече не готов, совсем не готов. Как увлекательно... Но раз нас там внутри так ждут, придется войти? Нет, должен быть маркер, я не мог принять активатор, не выставив маркеры. Черт, и гарнитуру где-то бросил, послушался советов! Поздравьте меня, сапожник без сапог.

Опять нарастающий стон, и гулкий удар.

Он вошел внутрь, в эти высокие готические ворота. Створки мягко поддались, и закрылись позади, но не до конца. Свет проникал внутрь тонким лучом. Впереди была темнота. Пол под ногами почему-то слегка прогибался, совсем не похоже на мощные кирпичи. Густов раз обернулся назад. Серо-бурое поле до горизонта. Черная стена воды. Но цунами так и не ударило. Вода застыла. Если это вообще вода.

- Ну что, никак не придумать, чем меня еще напугать? – заорал Густов в темноту, - Конец света временно отменяется?! Давай, выходи, я тебя, сука, голыми руками порву! Нет никакого барона Шварца, и не было!

Крик разнесся коротким дребезжащим эхом.

Он сделал еще шаг, и с размаху ткнул кулаком в какое-то препятствие. Ощупал впереди себя. Стенка. Хорошо, что не врезался головой, хватит на сегодня контузий. Густов прошел влево, трогая пальцами прохладную, идеально ровную поверхность, пока не добрался до угла. Влево начиналась такая же ровная гладкая стена. Света из полузакрытых ворот не хватало, чтобы понять, куда идти дальше. Он двинулся направо. Отсчитал шесть шагов, и снова уперся в стену. Замкнутый квадрат. Это абсурд. Трехэтажный каменный замок, в котором нельзя пройти дальше прихожей...

Каменный? Но это не камень. Это совсем не камень. Густов подпрыгнул, пол мягко спружинил. Откуда-то сверху снова накатывал тот же самый звук, поток голосов из фойе перед спектаклем, и снова оборвался тяжелым шлепком. Дьявол, это совсем не камень, и не кирпич, и не дерево. Это же...пластмасса.

Уже почти догадываясь, но словно стесняясь самому себе признаться в догадке, он вернулся к воротам. Толкнул незапертые створки. Пластмасса. Ни ручек, ни замков. И чугунная решетка, – вовсе не металл. Он взялся двумя руками за черный бутон, и выдернул цветок вместе с толстым штифтом из дырки. Он задрал голову и посмотрел вверх. И начал смеяться. Он смеялся и не мог остановиться. Все переменялось. То, что он принимал за далекое небо, оказалось белым натяжным потолком, а солнце – сияющей светодиодной лампой. С неба на веревочках свисал голубой воздушный шар, в корзине которого торчали игрушечные солдатики. Позади игрушечного замка барона Шварца сверкала блестящими шпалами железная дорога. Паровоз с двумя вагончиками готовился отправиться в путь.

Густов сделал еще шаг, и наступил в то, что прежде казалось высокой травой. Жесткие нити доходили ему до колена, ноги пружинили. Ковролин! Поле ковролина. А черная стена воды – это окно, это витрина, за которой улица. А ревущий стон, который его так напугал – это двери в магазин игрушек! Где-то рядом тяжелые двери, для настоящих, живых, больших людей, и когда покупатели заходят, на секунду сюда долетает шквал голосов.

Второклассник Витя Густов так мечтал стать маленьким и пожить в сказочном замке. Осуществляются мечты, мать твою. Любопытно, видят ли дети с улицы крошечного помятого дядьку на пластмассовом крыльце? Да, будет о чем рассказать, когда вернусь...

Стоп. Густов все еще смеялся, просто не мог остановить конвульсии в горле. Его передергивало, как кота, собравшегося оторвать комок шерсти. Он смеялся, пока не услышал шаги. Позади мелькнула тень. Обернулся он очень вовремя.

Мужик с секатором.

Тетка с арматурой.

Молодая парочка с ножами.

Они шли к нему, продираясь через острые нити ковролина, так похожего на траву. Густов попятился, и налетел спиной на разбитую, обвалившуюся кирпичную стенку. Морок исчез. Исчез игрушечный замок. Виктор снова стоял на облезлом крыльце полуразрушенной усадьбы. Дунул ветер, запахло смолой, зажужжали насекомые. Вокруг снова качали ветвями деревья.

Внутри оказалось почти уютно. Сверху тонкими пыльными лучами струился свет. Потолочные балки разошлись в стороны, но каким-то чудом удерживали чердачное перекрытие. Под ногами рассыпались пеплом насквозь прогоревшие доски пола, валялись куски матрасов, стульев и раскладушек; очевидно, в центре прихожей не раз жгли костер. Итак, он вспомнил почти все, что происходило до погружения. Но именно эти восемь дней, как в тумане.

Я закладывал стандартный промпт, сытую жизнь крупного начальника. Примерно то же самое, что заказывает большинство юзеров. Но какого черта я вставил сюда этот ключ с машиной, зачем я приперся именно сюда? И почему Женька? То есть, я знаю, почему, но не хочу себе признаться. В суточных демо-версиях, я всегда просыпался со своей женой. Но стоило отключить ограничения...

Я не хочу себе признаться, что делаю ложный запрос?

Еще шаг, и еще, по хрустящим сторовшим доскам. Внезапно позади раздался хлопок, и серия звуков, словно мягко били в ладоши. Густов развернулся, чувствуя, как спина покрывается потом. Но оказалось, это всего лишь взлетела с чердака птица.

Вторая комната справа - без окон; возможно, кладовка, или кусок кухни, остались следы разобранной печки. Точно, именно здесь пацаны собирались компанией. Нет, нет, они не просто повторяли наборы докомпьютерных пугалок. Кажется, они во что-то играли? В какие-то секретные игры? Густову хотелось завывать или разбить лоб о стену. Похоже, он упустил нечто важное. И если сейчас не вспомнить, то будет поздно. Что-то происходило, воздух снова стал твердым. Футболка на спине взмокла. Гаджет пискнул, поймал сигнал. Густов активировал громкую связь.

- Витя, дорогой, ты вспомнил? Ты нашел точку выхода?

- Рубен, это ведь ты притащил меня сюда? Ты меня... заманил?

Он шагнул в темноту. Да, вот оно. Справа, за обглоданным выступом стены, притаилась дверь. Единственная уцелевшая дверь внутри рассыпающейся усадьбы. Почти квадратная, стальная, ржавая, на кривых петлях, с вырванным замком. Дверь в подвал. На двери, наискосок, сохранилась надпись, процарапанная острым предметом «Там, где всегда тихо». В мозгу словно провернулась еще одна неповоротливая шестеренка. Вот и все, сказал себе Виктор, вся команда по местам, это последний ключ активации. Или надо спуститься вниз?

- Витя, я тебя очень прошу, - мягко зашелестел в наушнике молодой Рубен, - Пожалуйста, давай решим все мирно. Это ведь здесь? Открой, спустимся вниз, сделаем наше дело, и все закончится, все пойдут домой.

- Так значит, все это было цирком? Постановкой? Вся эта стрельба и угрозы? Вам нужно было проследить, куда я поеду? Но... Там внизу пусто, там ничего нет. Если только не рухнул потолок.

- Конечно, там ничего нет, - очень внятно произнес за спиной Рубен, - Все у нас в голове, Витя, не так ли? Самое время вспомнить. Что ты делал там, в самом тихом месте? Спускайся, я за тобой.

Затылком и шеей Густов ощутил жаркое дыхание. Ну конечно, Рубен ждал его здесь. И не один. Варданян стоял почти вплотную. Виктор прыгнул вперед, сгруппировался, и резко развернулся, ожидая чего угодно – удар в лицо, или даже выстрел.

Позади никого не было. Опять вспорхнула на чердаке птица, посыпалась пыль, тонко завывал в щелях ветер. Едва сдерживаясь, чтоб не заорать, Густов прижался спиной к грязной

кирпичной стене. За окном качнулась тень. И еще тень, на крыльце. Почти беззвучные шаги, со всех сторон. Они стояли и молча смотрели в окна. Старик в розовой шляпе с секатором, с перекошенным набок, ртом. Входную дверь загородил рабочий-азиат, в оранжевой робе, с топориком.

Неожиданно страх сменился каким-то иным чувством. Виктор понял, что он их обоих прежде видел. Дед с лицевым параличом однажды пытался влезть к ним в машину, когда семьей ездили на море. А смуглого парня в оранжевом как-то вязали у них во дворе полицейские, что-то пытался украсть.

В другом окне показались две пожилые тетки, в спортивных костюмах, с рюкзаками, у одной в кулаке зажат разделочный нож, а вторая помахивала длинной толстой железкой. Сзади к ним подходили другие. Молодая парочка, кудрявые парень с девушкой, обычные дачники, только у паренька в кулаке железный прут. Доставщик пиццы, на велосипеде. Женщина в ватнике, с острой лыжной палкой. Женщину Густов тоже вспомнил. Лет пять назад, Дашка была маленькая, они шли зимой по узкой тропинке в снегу, и там эта коза в ватнике, этой самой палкой била раненого голубя. А Дашка тогда так испугалась, что закричала!

Дашка? Слава богу, вспомнил ребенка! Откуда тогда взялись Роберт и София? Ему в голову не пришло бы, так назвать детей. Но если...если это не пришло в голову мне, тогда кому? Кто здесь, вместо меня, заказывает мне реальность? Чьи это дети?

Густов еще раз оглядел окруживших его людей. Все они стояли и молча смотрели. Точно ждали команду.

«При попытке несанкционированного изменения параметров...все юзеры, находящиеся в условной территориальной близости...переходят в режим поиска, преследования и атаки». Откуда эта фраза? Кажется, это аварийный протокол на случай взлома. Но взлом снаружи в условиях квантового шифрования невозможен. Или возможен?

Только кто им отдает команду атаковать?

- Хорошо, я вас понял, - сказал им Виктор, или вернее, попытался сказать, потому что губы слиплись и ссохлись, и вместо слов из горла вырвалось нелепое бульканье. Он дернул подвальную дверь и полез внутрь, по кривым крошащимся ступеням. Он продвигался мелкими шажками, для взрослого мужчины здесь оказалось слишком тесно, и наклонный потолок слишком круто уходил вниз. Внизу, под лестницей, в луже, что-то лежало. Как будто, полуза-топленные, рваные мешки с цементом. Неприятное ощущение; сперва показалось, что там, в позе переломанной куклы, лежит человек. Маленький человек, почти ребенок.

Конечно, показалось. Нервы на пределе.

Что произойдет, если меня сейчас здесь убьют? В демо-версии меня просто выкинуло бы в реал, пусть болезненно, но поправимо. Но я не в демо. Если не срабатывает режим отсечки, и если никто не войдет туда, где я сейчас нахожусь на самом деле, сколько я проживу?

- Ты не позволил застрелить меня в городе, - произнес Густов, не слишком надеясь на ответ, - Зачем ты выманил меня сюда?

- Я тебя выманил? – в наушнике раздалось сиплое бульканье, вовсе не похожее на знакомый смех Рубена, - Ты сам себя выманил. Зачем ты так упорно хотел сюда вернуться? А как насчет девочки? Что ты с ней сделал?

«Я ничего не сделал, я ее не трогал», - хотел прокричать Виктор, в лицо этому гаду прокричать, - «Я не виноват, не виноват, не виноват!»

Камень под ногой поехал в сторону, нога соскочила с ржавой скобы. Густов попытался удержаться, но не справился и грузно плюхнулся в темноту. Гарнитура выпала, и судя по звуку, угодила в воду, фонарик погас. Ноги охватил холод. Внизу было дьявольски сыро и душно, смердело плесенью и отсыревшим цементом. Обувь моментально заполнилась водой. Брюки промокли до щиколотки. Наверху с лязгом захлопнулась дверь. Густов рванул обратно, к

лестнице, наверх. Нет, это тело, глупое, слабое, трусливое тело рванулось. Разум удержался. Каким-то чудом удержался.

Дверь никто не закрывал. Густов вспомнил, эта дверь всегда так сама захлопывалась, и всегда неплотно, а если ветер, так вообще ходила ходуном. Теперь он слышал только свое дыхание и тихий звон в ушах. Это всего лишь шумит в сосудах кровь, сказал он себе. Место, где всегда очень тихо. Место, где тебя никогда не найдут. Потому что, сюда никто не заходит. Потому что, здесь исчез колдун Шварц, умевший выворачивать пространство наизнанку, но он не умер, а прячется внизу, в темноте.

Его затрясло крупной дрожью. Последний раз так трясло в детстве, когда скарлатина нагнала температуру под сорок. Густов наклонился, опустил руки в ледяную воду, пытаясь нащупать упавший коммуникатор. И застыл, чувствуя, как сбилось с ритма сердце.

Позади во мраке плеснула вода.

А следом раздался долгий хриплый вздох.

8.Нуйкан. Танец логова

Девять дней я жила в логове. На уступе скалы, в хижине, по соседству с двумя старшими девочками. Мне принесли ворох телячьих шкур, иглы и крепкие толстые нити, из высушенной паутины птицеда. Мне сказали сшить что-то вроде мешка с узким горлом, и в нем же ночевать, поскольку ни печки, ни костра мне тоже не полагалось. Я исколола себе все руки. Пробыть иглой кожу толщиной в полпальца не так просто. Девушки объясняли мне, что куски кожи должны очень плотно прилегать друг к другу, иначе в мешок попадет вода и можно захлебнуться. Я ничего не понимала – ведь ни один разумный человек не поплывет по реке в такой лодке! Но мне никто ничего не объяснял, запирали и оставляли одну. Сквозь два оконца я видела лишь кусок неба. Во сне я встречала отца, братиков и бабушку и подруг, каждый день немного плакала, так становилось грустно и страшно. Но потом кое-что произошло.

Я увидела во сне мою новую белую сестру Милку. Она что-то говорила мне на чужом языке, я вздрагивала и просыпалась. Мы обе сообразили, что общаться нужно не словами, а рисунками, как учили наставницы. Я представляла свой рисунок, будто это птица, и выпускала его из рук, Милка делала то же самое. Сперва у нас не очень хорошо получалось, пока мы не стали рисовать самые простые вещи. Дерево. Рыбу. Лодку. Потом Милка нарисовала круг, и в нем глаза и рот, как будто это человек. И мы выучили слова «злой», «веселый», «грустный», и «бегать» и «сидеть» и много других. Но скоро стало ясно, что не все вещи можно нарисовать. Например, «вчера» или «завтра».

И тогда Милка Густова стала учить меня читать. То есть, буквам, буквам ее языка. Я даже слово такое «буквы» раньше не слышала. И долго не могла понять, зачем они нужны. Но когда я смогла прочесть слово «мама» на ее языке, мне стало так интересно, что даже одиночество перестало пугать. Я даже забыла, что любые буквы и любые книги запрещены Матерью всех волков. Потом я, конечно же, вспомнила о запрете. Но я подумала, что никому не скажу, и никто не узнает, и никому не будет вреда.

Я была очень глупая в те дни.

Мы рисовали друг другу картинки, моя старшая сестра спрашивала про танцы матерей-волчиц. Я не очень много могла ей рассказать, а нарисовать ведь еще сложнее. Милка сказала, что ее муж очень хочет узнать про наши танцы. Оказывается, моя старшая сестра тоже умеет танцевать. Когда она была молодая, она ходила в какой-то большой дом, там много людей. Но они танцуют не в круге, как мы. У них женщина танцует с одним мужчиной, а потом с другим, а потом еще с другим. Милка ходила туда несколько лет, ее танец называется очень трудно – рокенрола, мне не выговорить. Я так и не поняла, зачем женщине танцевать вдвоем с чужим мужчиной. А если об этом узнает ее мужчина, и будет драка? Мужчины ведь умеют жить в мире только, если за ними следят женщины.

Я ждала, приснится ли Милка в четвертый раз, я ведь тогда еще не умела сама находить во сне любого человека, хотя это так просто. То есть, это потом стало просто, а первые девять ночей в логове я плохо спала, все силы уходили на битву с иголкой, и нитями из паутины. На девятую ночь за мной пришли молодые волчицы, и повели в глубину горы, в пещеру с очень высоким потолком. Там горели масляные светильники. Стены пещеры сходились где-то наверху, как сходятся в пучок жерди у походных шалашей, а в одном углу, в самом низу плескалась вода. Но этот пруд был совсем маленький, горячий, оттуда пахло тухлым, булькали пузыри.

На какое-то время меня оставили одну. Остолбенев, я разглядывала рисунки на широких деревянных досках, прикрепленных к стенам. Я пошла вдоль стен, по выбитым в камне, ступенькам, и повсюду висели эти доски. Там было много непонятного, про давние времена, когда с неба шли дожди из сажи, а вода в Тигровой реке наполнилась отравленной рыбой. Про времена, когда мужчины убивали других мужчин, и даже женщин и детей, чтобы завладеть едой. Про времена, когда в южных озерах горели золотые големы, плевавшие металлом за сто полетов стрелы, а по небу летали смертоносные огненные шары. Про времена, когда Мать всех волков спустилась к нам на сияющей лодке из мира неба, и принесла с собой желтых муравьев. Про времена, когда женщины Тигровой реки только учились говорить с волками, а мужчины учились жить, не пересекая пограничных троп. Про времена, когда женщины учились возвращать жизнь мертвым, а мужчины учились не убивать. Большую часть рисунков я все же не поняла.

Раздались шаги, зазвенели браслеты, появились женщины, меня опять позвали в центр. Матери шли в раскрашенных масках, с масляными лампами, расставляя их по кругу. Старшие спустились к горячему источнику в углу, но на месте не стояли, постоянно двигались, взяв друг друга за плечи, и стучали деревянными подошвами. Волчицы танцевали, только пока без музыки. Тихо-тихо кто-то запел. Сперва один голос, затем двое, и четверо. Музыка повторялась, как будто одновременно пела ранняя утренняя птица-пересмешник, и тут же гудел длинноногий болотник, и сразу воркование крикуна. Они перекликались, все тоньше и все толще. Матери притоптывали, двигали плечами.

- Шип-ту-пара! Шип-ту-пара!

Внезапно послышалось движение, словно хлестнули бичом, и стена пещеры в дальнем углу, прямо за парящим источником, обвалилась. То есть, мне показалось, что обвалилась; на самом деле, там висела ткань, очень большой кусок, высотой с три мужских роста. Наверное, таким можно укрыть целую семью шестирогих. Едва ткань упала, как матери опустились на одно колено, и я вместе со всеми. Молодые жрицы запели громко и ударили в браслеты, и одновременно притопнули ногой.

- Эйстасолуписматир! Эйстасолуписматир!

- Дарующая жизнь, девять месяцев ты носила тяжесть!

Я смотрела, забыв, как дышать. Смотрела на то, что скрывалось за упавшей тканью. Смотрела на то, что не видел ни один мужчина Тигровой реки.

Там сидела Мать всех волков.

9.Милка. Правдивая ложь.

- Виктор, что происходит? – спросила я Густова, когда мы остались одни, - Ты как будто с нами, и не с нами. Что-то случилось *там*?

Рубен кинул нам одеяла в той же комнате на втором этаже, где мы спали миллион лет назад, тем волшебным летом. Только спали мы с Рубеном, а Витя с Женькой трахались внизу.

Густов открыл дверь на балкон. Ветер медленно затянул внутрь занавеску. Так же как тогда...только кровать стояла иначе, а Рубен, лохматый и тонкий, почти так же курил в проеме двери, и занавеска окутывала и облепляла его, а я смеялась и просила не двигаться, чтоб получился красивый кадр. Только никакого кадра не получилось. Ничего у нас не получилось.

Зачем все это было? Зачем все это случилось между нами? Ведь у нас было в руках все, что нужно для счастья. Во всяком случае, мы так думали.

- В правлении знают, что мы заменили лабораторные органоиды срезами постороннего живого мозга. Но если об этом пронюхают журналисты, меня показательно выпорют. В лучшем случае меня отстранят. Но скорее арестуют. Могут и Рубена вычислить. Тем более, если они узнают, чей мозг я использую. Но дело не в этом. Я уже тебе сказал. После замены прекратились жалобы, в демо-версии нет несчастных случаев, система стабилизировалась.

- Погоди. Но ты же ездил, давал показания?

- Ты же понимаешь, всегда находятся ненормальные. Есть категория юзеров, они сознательно устраивают себе убийства, несчастные случаи, дуэли. Но с нашей стороны медицинский протокол не нарушен. Мы выиграли все суды.

- То есть, ее мозг...?

- Да. Ее мозг идеально функционирует. Сейчас он весит почти три килограмма и растет. Но и это не все, - он поглядел на меня невинно-победоносным взглядом, с таким выражением лица «догадайся мол сама».

- Боже... - если до этого я размышляла, не спуститься ли в кухню за чем-нибудь съедобным, то теперь аппетит пропал, - Вы смогли добиться, вы отрезали кусок?

- Мила, пожалуйста, без этих мясницких аналогий, - Густов мелко потряс головой, - Мы добились распределения сети, сейчас три действующих узла, и готовятся еще три. Я знаю о двух локациях, куда вывезли часть органоида. В Бюро перестраховались. В Бюро всегда смотрят на три шага вперед. Зато нас теперь не отключить.

- Но если в демо-версиях все функционирует идеально, тогда что происходит с людьми из твоего отдела? Что происходит с тобой? Постой, постой... Ведь вы же изначально не хотели давать пользователям больше суток?

Внизу Рубен звонил и звонил, и шагал со скрипом по кухне, и снова звонил, организуя нашу безумную экспедицию. Когда-то у нас у всех было много денег. Но в отличие от Варданына, мы все свое потратили. А он никогда всерьез ни в чем не нуждался. Не в том смысле, что от папаши ему досталось неплохое состояние. Тут дело в другом. Рубен не любил деньги.

Я не спрашивала, сколько он раздал взяток, чтобы Царенко оперировали в частной клинике. В той клинике, где вместе с опухолью они вытащили крошечный кусочек Женькиного мозга. Царенко сама предложила, сказала, мол, если помру, то хоть принесу пользу. Но я думаю, дело не только в пользе науке. Возможно, дело вообще не в науке. Я стараюсь об этом не думать, но Густов ведь мог выбрать *другой мозг*. И если окажется, что я права в своих предположениях, значит, мы опять лжем друг другу.

- Это следующий этап. Ты не понимаешь очевидного, - зашептал Густов, наматывая вокруг меня круги, - Ты всерьез верила, что мы делаем очередную трехмерную игрушку? Бюро нам выделило еще миллиард. Еще когда «Нейротранс» назывался рядовым стартапом, мы поняли, что никаких коллабораций с Западом не получится. Все их комитеты по этике, все эти вежливые деды в академиях наук, их запреты на работу с человеческой органикой... нам никто бы не позволил! Затем пришли китайцы, Бюро. Они предложили – или выкупают все права, и дают мне лабораторию в универе биоинженерии Шеньчжэня, или дают денег на выпуск акций, покупают долю в правлении, и мы продолжаем работу здесь...

- Витя. Я все это помню, но эти люди...

- Мила, мы живем в такое время, когда почти любой передовой эксперимент обречен, - он опять завелся, все активнее жестикулировал, - Сто лет назад один безумный ученый мог благодетельствовать мир, или напугать. Не придумали еще ограничений. Не существовало научных советов. Не печатали миллионы журналов, в которых ты обязан сочинять статьи. Сегодня тысячи открытий буксуют, потому что наука стала заложницей политики и денег. Деньги выделяются на ветряки, на солнечные панели, на электротранспорт, на защиту китов. Согласно иди-

отской повестке дня! А тысячи смелых проектов сворачиваются по всему миру. Возможно, каждый год сотни гениев уходят торговать пиццей, потому что, их идеи не кажутся перспективными. И то, что делаем мы, тоже было заведомо обречено. Нас спасло китайское Бюро. Мы называем это так, все равно на русский толком не перевести. Бюро находит и финансирует проекты, которые пугают либеральных чистюль.

- То есть, твой «Нейроквантум» - теперь это не альфа-реальность? Теперь это называется иначе? – у меня стало кисло во рту и закрутило в животе. Хотя вроде бы Густов не сказал ничего ужасного. Но что-то неявное происходило. Происходило нечто, о чем он боялся рассказать. То, о чем я догадывалась.

Это стало походить не на игру, а на *вторжение*.

- Я дважды докладывал на правлении. Они знают о несчастных случаях, они платят компенсации, - муж плеснул себе еще кофе, - Они платят кому надо, чтоб не выплыло наружу. И они приняли решение продолжать работу. Да, не совсем легально. Да, есть риск. Когда мы перевели «Квантум» на новые органоиды... как я и предполагал, он больше не нуждается в дополнительном вербальном промпте. Сеть считывает пожелания заказчика с подсознания. С карты мозга, если угодно.

- Но я помню, что когда вы начинали, следовало озвучивать. Хочу дворец, хочу крутой бизнес...

- Да, так и было. Только гораздо детальнее. Уходило слишком много времени. Прорыв случился, когда Бородай довел до ума кровоснабжение органических нейрошунтов. Слова стали не нужны.

- И начались кошмары?!

- Мила, прошу тебя. Не кошмары, а скажем так, вылезли незакрытые гештальты подсознания. Но спрос только растет. Потому что, люди обожают, когда им страшно. Зрители любят ужасы, даже когда есть риск сердечного приступа. В правлении согласны на расходы, чтоб получить полную версию.

- Витя, ты смотришь новости? Ты читаешь, что про вас пишут? Конкретно про тебя, между прочим. Пишут, что вы продаете подробные инструкции, как убивать людей. Я пока летела сюда, смотрела новости. Там куча видео, где ваши покупатели обсуждают, как они кого за сутки убили. Помнишь, ты меня спрашивал, почему я так люблю африканских дикарей? Да, наверное, я стала какая-то непатриотичная. Мне не нравится, что наши милые соотечественники, которым ты подарил сутки блаженства, радостно расчлениют друг друга. Витя, они даже мечтать не умеют! Кстати, в Америке конгресс принял поправку, они у себя полностью запретили аналог вашего «Квантума».

- И прекрасно, пусть запрещают, - Густов принес пакет молока, постоял с ним, но, похоже забыл, зачем принес, - Мила. Далеко не все люди мечтают кого-то прикончить. Масса восторженных отзывов. Когда начались эти... искажения, когда случилось то, что случилось с Бородаем и с Джан, я включил в сюжет моих симуляций набор некоторых маркеров, мы называем их «ключи памяти» или «ключи отсечки». Они позволяют запустить процесс отсечки изнутри, при отсутствии внешнего оператора. Моя детская машинка. Старый дом в саду-водстве. Несколько фраз. Еще кое-что. Я все время обновляю маркеры, ввожу резервные. Неважно. Важно, что «Квантум» научился играть с коллективной памятью. Или, скажем так... с коллективным подсознанием. Хотя его об этом не просили. Система сомообучается. И усложняется. Об этом я тоже докладываю.

Он говорил, будто успокаивал себя, но я слышала, как он психует. До моего носа долетел аромат сандала. Царенко на нижней террасе поджигала индийские палочки. Я смотрела, как пальцы Густова танцуют на клавишах, и видела Дашу, как она движениями рук невольно подражает отцу. Видела нашу дочь, которая могла бы быть совсем другой. Если бы мир чуточку сдвинулся. Совсем капельку.

- Витя, ты же не будешь говорить, что сеть разумна?

Густов аккуратно сложил очки в футляр, затем так же аккуратно закрыл ноутбук, и посмотрел куда-то сквозь меня.

- Мила, что такое «сталь или золото»?

И тут мне стало нехорошо.

10. Виктор. Симуляция. Тест 17. Сталь или золото

- Кто здесь?!

Звук его голоса не долетел до стен, он словно размазался по губам. Густов на пару секунд закрыл глаза, стараясь успокоить дыхание. Хотя вокруг и так царил плотный мрак.

Мне просто показалось, это лишь глупый детский кошмар, дважды повторил он себе: «Нейроквантум» каким-то образом тащит из памяти самое поганое. Но кто за этим стоит? Ведь я знаю всех. Никто из наших не способен на такую игру. Чтоб внедриться, нужны невероятные мощности. Нет, это не представить. Кто мог знать про *мое тихое место*?

Оказывается, он очень не хотел вспоминать то, что здесь произошло, он вырвал эти дни, их не существовало! Зараза! Это то, о чем предупреждал Бородай. Мы не послушали Бородаю, ему никто не поверил. Перед своим последним погружением, Вадим скопировал свой промпт. Он всегда так делал, ничего не скрывал, ничего не стыдился. Он упоминал, что кажется, видел *мой* красный «Порше». Мы тогда его не послушали. Я его не послушал. Он не мог знать про *мой* «ключ отсечки». Мы посчитали это чем-то вроде телепатии, или случайностью. Мы не верили очевидному...

- Кто здесь? Рубен, ты? Не валяй дурака.

Виктор присел на корточки, пошарил в воде, и нащупал оправу. Фонарик в очках послушно вспыхнул, осветив бледную плесень, мокрые своды в потеках, и глубокую трещину в кирпичной стене. Никого. Грязь и сырость. Но что-то изменилось. Виктор еще раз посветил в сторону лестницы. То, что он принял вначале за мешки с окаменевшим цементом, теперь походило скорее на затопленный детский матрас для плавания. Какая-то часть матраса едва заметно двигалась, подергиваясь в черной воде, будто оторванная паучья лапа. Некоторое время Густов следил за этим движением, пока не убедил себя, что там нет ничего живого. Наверняка, мелкое подводное течение, где-то сквозь дыры в фундаменте сочится вода.

- Алло, Рубен, окей, мне очень страшно. Ты привез меня сюда. Дальше что?

Тишина.

Взрослому мужчине под метр восемьдесят здесь показалось крайне тесно, макушкой он упирался в мокрый потолок. Едва ли в длину помещение достигало пяти метров, и как раз дальняя стена разрушалась. У самого разлома, лапками вверх, плавала раздувшаяся крыса.

- Мощная симуляция. На сей раз родимый, ты превзошел себя, - пробормотал Густов, - Когда же отсечка? Что тебе от меня еще нужно?

По потолку тоже змеились трещины. Дом барона разваливался. И подвал не выдерживал натиска времени. Хотя все это не настоящее, в десятый раз напомнил себе Густов, это обман, ложная память! Но кое-что сохранилось. Этот вот липкий студень вместо воздуха, атмосфера душного небытия, в которой растворяются и тонут звуки. Мы превзошли реальность. Мы в миллион раз превзошли любые видеокарты. Мы дали клиентам запах, вкус, текстуру. Но как «Квантум» помнит эти миазмы, которые я давно забыл?

Ему почудилось какое-то движение наверху. Густов резко дернулся, перевел луч фонаря на потолок. Из щели, по черным осклизлым кирпичам расползались мокрицы. Виктор повернулся к лестнице, и тут заметил буквы и слова, вырезанные чем-то острым на стенах. Не надо это читать, сказал он себе, это не поможет выйти. Не надо это читать! Прошло столько лет. Мы верили глупым сказкам, мы были детьми!

«адюста янем етищатыв енм етигомоП»

«8891 ьлюИ авеанаП ареВ тудйан янем илсЕ
«3791 ьларвеф ьтип учох етйоркто. октивК ьрогИ»

Густов придвинулся вплотную к кладке, и стал медленно передвигаться вдоль стены, уже не заботясь о промокших ногах и крысиных трупах. Он очень не хотел это читать. Он совершенно не хотел это читать. Но он никак не мог вспомнить, читал ли это прежде. А это почему-то казалось ему важным. Очень важно убедиться, что это истинные воспоминания, что это не ложный трек.

«оншартс енм ьтсе от отк ьседз»
«1002. 08.12 ахеЛ нихубяР
«аллА яовт умру тут я акчомаМ»

Почему это не стерли? Почему не покрасили? Какие-то из надписей вырезали ножом, что-то возможно гвоздем, или даже осколком стекла. Внезапно Виктора осенило – в детстве они брали зеркальце, чтоб прочесть. Черт, черт возьми, а ведь точно, они же держали зеркало! Они спускались сюда гурьбой, вместе ведь не так страшно, и светили фонарями и читали. Тогда ни у кого из пацанов не было с собой фотокамеры, и сотовые еще в страну массово не завезли, и потому нет никаких доказательств. Но ведь посланий стало много больше, спросил он себя. То есть, если признать, что всякая чертовщина существует, и колдун Шварц действительно привез в Россию свою черную магию... Тогда, возможно, зло обитало тут двести лет, потом куда-то делось, но теперь стало сильнее. Гораздо сильнее. Почему?

«Потому что ты его накормил»

- Кто это сказал? – вслух спросил он, - Рубен? Это опять ты?

Из наушника доносился лишь слабый шорох. Послышалось, или кто-то реально произнес эту фразу?

Надо вспомнить. Чтобы отсюда выбраться, надо вспомнить. Нет, не так. Ему даже стало немного смешно. Выберется он в любом случае. Даже если не сработают ключи, сработает таймер, сработает там, где он сейчас лежит на самом деле. Значит, вспомнить надо не для того, чтоб выйти.

Да, они тут играли в разные игры. И Витю Густова взяли в компанию старшие пацаны. Кажется, он принес им печенья, и стащил у отца несколько сигарет. Стать своим в компании – это очень круто. И неважно, это летнее садоводство, или школьный двор, или детское отделение в больнице, везде лучше тусоваться в коллективе, а не корчить из себя шибко умного одиночку. Даже если тебе кажется, что твои приятели – дебилы, лучше подмахивать дебилам, чем стать изгоем, отщепенцем, или того хуже – денщиком. Вите Густову очень хотелось стать своим.

Играли в партизан. Например, пойманного партизана отправляли сюда, в подвал; предстояло вы сидеть тут в одиночестве какое-то время. В полной темноте. Дверь наверху они закрывали. Чтоб проигравший начал просить прощения. Это было весело. Особенно забавным казалось, когда сюда приводили новенького, такое испытание, чтоб принять в штаб. Спускались толпой, поджигали самодельные факелы, а потом толпой убегали, а пленника оставляли внизу. Но потом, конечно, выпускали. Под смех и слезы. Новенькие находились всегда. Ведь летом в садоводстве собирались толпы детей. Тех, кого родители не могли вывезти на курорты. Особенно смешно становилось всем, когда запирали кого-то помладше, особенно девчонок. Нет, смешно – это неверное слово. Сложное чувство, состоящее из страха, что поймают, что новобранец донесет родителям, и придется скрываться, а такое уже случалось, и сладкое чувство власти, когда изнутри лупят кулаками и умоляют открыть, а совсем недавно эта же сопливая дурочка задирала нос, и заявляла, что вы все тут дураки. А еще радость, что ты-то не слабак, ты-то справился со страхом, проторчал там час или два в могильной тишине, и не ныл, не просил пощады, и значит, ты взрослый, и можешь сидеть у костра наравне даже с восьмиклассниками, и не боишься колдуна Шварца.

Но тогда в подвале усадьбы было не страшнее, чем в любом другом темном подвале.

Позади опять раздался вздох. Или тихий срывающийся плач. Густов обернулся, инстинктивно выставив впереди кулаки, изо всех сил стараясь не намочить штаны. В углу, под лестницей, по щиколотки в воде, поджав левую ногу, стоял ребенок. Девочка лет десяти. В серых обрезанных джинсах, заляпанной грязью, футболке, с русыми спутанными волосами, закрывавшими лицо. Густов видел лишь тонкий подбородок и шею. Одной ладошкой девочка упиралась о стену, костяшки ее пальцев почернели от спекшейся крови. Другой рукой, с ободранными ногтями, она вцепилась в ляжку висевшего за спиной, розового рюкзака. С рюкзака на карабинах свисали две пушистые игрушки. Густов с облегчением заметил, что ребенок дышит. Но не просто дышит, а содрогается от рыданий, как бывает, когда уже нет сил плакать вслух. Живая. Как хорошо, что живая. Но все равно, ее тут нет.

Тебя тут нет, тебя тут нет!

Ее тощую лодыжку заливала кровь. Рана на левой ноге была поверхностная, но смотрелась ужасно, кожа разошлась, точно вспороли консервным ножом. Кровь стекала по белой кроссовке в лужу несколькими тонкими ручейками; в слабом свете фонарика это было похоже на карту речной дельты, в период дождей. Но и в луже, в этой вонючей жиже с крысиными трупами, заполнившей дно подвала, кровь не задерживалась. Бурые ручейки не растворялись в воде, они, точно живые змейки, добирались до стен, и карабкались вверх, впитывались в щели между двухсотлетними кирпичами.

Это и есть зло.

«Ты его накормил»

- Не-еет, этого не было, это неправда, - пробормотал Густов, - Это не я ее толкнул! Она сама! Ты же сама упала!

Девочка повернула голову, отвела рукой слипшиеся волосы. Она не сделала ничего страшного, не крикнула, не попыталась напасть. Однако Густов удивительно четко осознал, что не хочет, не может посмотреть в ее лицо. Посветить фонариком в ее лицо означало... означало бы...

Нет, он вовсе не хотел ее узнавать.

Но вспомнил этот изогнутый шрам.

Он его видел гораздо позже. И кажется, неоднократно. Вот только где?

Кто привел эту наглую дурочку в компанию? Верховодили тогда трое, Валерка вообще в седьмом учился, а Никос и Серый в шестом. Вите Густову очень нравилось, что он среди них свой, ведь многих его сверстников старшие не брали в штаб, а его брали. И брали с собой гонять на великах в поселок, хотя родители всем настрого запрещали выезжать из садоводства. Парни скидывались, и покупали там в поселке вафельный торт, или мороженое. И брали Витю играть в футбол и запекали вместе картошку...

Но как же звали девчонку? Густов едва не сломал зуб, с такой силой сжал челюсти. Ему показалось крайне важным вспомнить ее имя. Пацаны тогда сказали ему, чтоб привел ее в усадьбу. Сперва она вела себя, как положено новеньким, приехала следом на велосипеде и даже захватила сосисок, они их пожарили на прутиках. Но потом отказалась принести клятву, а когда они затолкали ее в подвал, не стала плакать. Она здорово всех разозлила. Парни открыли дверь, но она не скулила, как другие. Она пообещала, что расскажет про сигареты, и про то, что они без спроса ездят к озеру, и про ворованные яблоки, и про никому не нужные весы, что они стащили из закрытого ларька. Никос и Серый приперли дверь доской и слиняли, поехали искать Валерку, а Густову велели ее сторожить. Но тут полил сильный дождь, дождь все лил и лил, и стало холодно, и начало темнеть, а парни все не возвращались, а сотовые телефоны тогда у них не водились, и в какой-то момент до пятиклассника Густова дошло, что его бросили, что сегодня парни точно не вернутся. Он отпер подвал.

И тут эта дура... Если бы она молча уехала, ничего бы не случилось. Но она вылезла и стала визжать, что это он, Густов ее сюда затащил, и она все расскажет папе, а папа знаешь, что с тобой сделает?! Она орала на него, а про остальных словно забыла, и тогда...

Тогда он толкнул ее. То есть он не хотел толкать ее вниз, он не собирался ее трогать! Он ее просто толкнул, потому что рассердился. Он не хотел ее бить, он никак не ожидал, что она упадет, и поранит ногу о торчащий из ступеньки металлический уголок, и ударится головой. То есть, он не видел, чем она ударилась, но кровь из разорванной ноги буквально плеснула вверх. Он окликнул ее дважды. Он кричал, чтоб она не притворялась. Но она не отвечала. Лежала там внизу молча, сложившись как сломанный манекен.

Сверху она походила на... *на сдувшийся детский матрас для плавания.*

Тогда пятиклассник Витя Густов выскочил наружу, и не замечая проливного дождя, лязгая зубами, помчал на велике в свой дачный домик. Дома у него моментально поднялась температура, мама ругалась, и бабушка ругалась, и обе очень волновались, закутали его в теплое, поили чаем, уложили в кровать, а он не мог заснуть. Зубы стучали, его трясло, будто схватился за высоковольтный провод. Каждую минуту он ждал, что начнут колотить в дверь, и явится огромный страшный папа с девочкой на руках, папа с бородой, и руки в крови, и лицо его тоже в крови, и он положит дочь на стол, где мама с бабушкой закручивают варенье, и спросит:

- Где он? Где тот, кто убил мою дочь?

Мама еще раз воткнула ему в рот таблетку, бабушка меняла на лбу тряпки с холодным уксусом, а утром они попросили соседа с машиной, и мама отвезла Витю в город, сразу к врачу, и Витя еще неделю пролежал в городской квартире. Он лежал и прокручивал в голове план побега, куда угодно, - в Африку, в Москву, или на юг, на море в товарном вагоне, как ездят беспризорники в кино. Куда угодно, и пусть он там погибнет, лишь бы здесь его не забрали в тюрьму! Но ни полиция, ни неведомый бородатый отец той девчонки так и не явились. В выходной вернулась из садоводства бабушка, и Витя слышал, как она тихонько рассказывала маме... что там девочку искали с собаками, думали эти малолетние из исправительной колонии... в озере с шестами с палками по дну тыкали... нашли где-то в подвале, сама залезла, никого рядом... как так можно оставлять открытые подвалы... она там тоже с бабушкой, а родители в командировке, их и не найти!

Витя прислушивался к голосам в соседней комнате. Больше всего на свете ему хотелось понять, жива ли эта злобная девчонка, и что она кому рассказала, потому что он тут не при чем, он ее вовсе не хотел толкать, она сама упала, она сама, сама виновата...

А теперь, много лет спустя, он стоял, не чувствуя онемевших от холода ног, в отравленной воде, и наблюдал, как ее кровь течет вверх. Батарея в фонаре разряжалась. Густов смотрел, как ручейки крови взбираются вверх по стене подвала. По надписям, читаемым задом наперед. Стена при этом стала ближе. И дальняя стенка, с проломом, где плавала крыса, она тоже придвинулась.

«Ты его накормил»

Эта рана на ее ноге никогда не исчезнет. Она превратится в полукруглый шрам, так похожий на жуткую мультяшную ухмылку. Где же он видел этот шрам?

- Сталь или золото? – девочка смотрела на него, не шевелясь.

В этот момент Густов вспомнил, что следует сделать. Третий ключ сработал, режим аварийной отсечки запускался предельно просто, до смешного просто! Очень сильно, до боли, прикусить зубами язык. Он ведь сам заложил этот маркер. И помнил об этом последние несколько минут, но почему-то тянул время...

Потому что, *было интересно.*

- Что? Что ты сказала? Повтори!

Но речь девчонки прервалась посреди предложения, и вместе с остановкой речи, остановилось вообще все. По ее мокрой обуви и джинсам ползали насекомые. Только насекомые тоже

застыли. Повисли в воздухе мелкие капли. Замерли крошечные светящиеся цифры в часах, встроенных в гарнитуру. Девочка смотрела очень внимательно перед собой, не моргая, подняв грязный окровавленный кулачок.

- Кто ты такая? – спросил Густов, облизнул укушенный язык, и сел в грязь, ноги его не держали, - Или что ты такое?

Но ребенок уже не мог ответить. У нее уже не было головы. Густова всякий раз одновременно ужасал и завораживал период отсечки. При всей мощности сети, при баснословной скорости передачи данных, аварийный выход тянулся долго и театрально. Бесконечно долго, почти секунду, от девочки оставались лишь ноги и кисть тонкой руки с лямкой рюкзака, затем она окончательно исчезла, воздух вздрогнул, краски смешались, мгновение стояла кромешная тьма.

И мир обнулится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.